

Чтобы понять. Банкосы

Антонов Олег

Олег Борисович Антонов

Чтобы понять. Банкосы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69580930

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник из двух небольших повестей. "Чтобы понять" – повесть о работе тех, кто исследует новые планеты, ищет другой Разум и пытается найти подход к установлению контактов на основе изучения жизни инопланетных существ изнутри их сообщества. "Банкосы" – зарисовка о попытке изучить деятельность небольшого банка, с целью оптимизации и повышения эффективности работников нестандартным путем замены людей роботами.

Содержание

Чтобы понять

4

Банкосы

78

Олег Антонов

Чтобы понять. Банкосы

Чтобы понять

-1-

...Крыльцо-веранда с резными балясинами из мореного дуба издали притягивало взгляд, словно было давно знакомо. Сразу в памяти оживали подернутые легкой золотистой дымкой теплые летние вечера, кресло-качалка и красивый закат, когда можно долго сидеть, ни о чем особенно не думая, просто наслаждаясь окружающей красотой засыпающего сада. Или представлялся сверкающий на солнце белый покров свежавыпавшего снега, на который даже боязно ступить с крыльца, чтобы надеть лыжи и пробежаться по хрустящей снежной целине, оставляя за собой линии следов, вдыхая свежий морозный воздух и щурясь от искрящегося алмазной крошкой снега. Или всплывали в памяти ароматы цветущего разноцветными облаками сада весной, когда птички трели звучат особенно радостно и темная земля, нагретая свежими лучами яркого солнца, парит легкой дымкой и покрывается молодой зеленой травкой...

Массивная медная ручка в виде искусно изготовленной кошачьей лапы с поджатыми когтями легко повернулась, на

уровне глаз вспыхнул зеленый огонек, оповещая, что опознавание проведено и дверь отворилась легко и бесшумно, словно была невесома, а ведь толщиной была сантиметров пять, не меньше. Да еще с внутренней вставкой из стального листа. В лицо пахнуло легким ароматом кедра, медленно разгорелся мягкий золотистый свет, осветив обшитый светлым деревом тамбур. Почему-то захотелось провести ладонью по матовой поверхности стены прежде, чем шагнуть к внутренней двери. Он прикоснулся, и пальцы ощутили тепло дерева, провел рукой и ощутил едва заметные неровности, оставшиеся после шлифовки.

На поверхности второй двери, едва он подошел, проявился квадрат сенсорной панели, сообщающая, что охранная система работает, температура и влажность в норме, фильтры очистки воздуха и воды в порядке, холодильник полон продуктов, а почта уже поступила и ждет обработки. Дверь скользнула в стену, когда он привычно прикоснулся к панели, подтверждая свое желание войти.

Просторный холл, обшитый панелями из кедра на высоту среднего роста и разделенный напольной плиткой и едва намеченными выступами стен на три части тоже показался привычным. Трилистником из мрамора расходились от входа дорожки, захотелось бездумно, просто повинувшись случайному импульсу, ступить на любую, зная заранее, что куда бы ни пришел, везде будет уютно.

Правая дорожка, из розового мрамора с белыми прожил-

ками через серое поле керамогранитной плитки прихожей вела к витой лестнице, ведущей, как ему подумалось, к уютным и тихим спальням на втором этаже. Шагни он на эту дорожку и гардероб из мореного дуба должен с легким шорохом, словно напоминая о себе, раздвинуть створки, приглашая повесить одежду на удобные вешалки, бесшумно выдвинуть стойку с невысоким круглым сидением и набором домашней обуви, предлагая переобуться. Он был готов принять на свои держатели грязную обувь, чтобы сразу и всерьез заняться ею – вычистить, высушить, обработать кремом или привести лоск.

Левая дорожка из зеленоватого мрамора вела в гостиную, где можно было, удобно устроившись в мягком кресле, просмотреть свежие газеты, лежащие стопкой на журнальном столике или посмотреть новости на большом экране настенного телевизора. А для физической разминки погонять бильярдные шары по зеленому сукну. И это уже была не догадка, краешек бильярдного стола он видел через приоткрытую дверь гостиной. А за гостиной располагался кабинет, с солидным письменным столом и книжными шкафами вдоль стен, обшитых тисненой коричнево-красной кожей.

Средняя дорожка, из белого мрамора с серыми прожилками вела мимо стойки бара, за которой полки поблескивали бутылочным стеклом, к двери столовой, где наверняка уже ждал накрытый обеденный стол. Всё казалось привычным и знакомым, словно он прожил здесь немало...

– Прекрасное начало, мне нравится, – заявил заказчик, стащив с головы и небрежно поставив шлем на стол. Затем он принялся утирать вспотевшее лицо клетчатым носовым платком, сипло посапывая. Стан, с неприязнью глядя на экран с застывшим изображением, подумал, что теперь придется мыть внутреннюю обшивку шлема. С антисептиком, а потом обрабатывать дезодорантом, и еще неизвестно, исчезнет ли запах чужого пота. Со своего места он чувствовал запах парфюма, которым пользовался заказчик, тяжелый и приторный. От такого борова без парфюма должно нести так, что с ног сшибет.

Сколько раз просил главного – купите шлем специально для клиентов! Или упаковку подшлемников, чтобы не отмыть шлем после таких вот посетителей. Да только воз и ныне там: то у бухгалтера средств нет, то начальник забывает напомнить снабженцу купить хотя бы десяток подшлемников... Хоть иди, и на свои кровные покупай. Вот ведь проблемы, а? Мало ему своих, так тут еще и по работе... Все настроение испортил, толстопузый. А ведь первая часть ролика получилась неплохо, не шедевр, конечно, но деньги заказчика отработаны честно.

– Я рад, что вам понравилось, – обернувшись, Стан выдавил из себя улыбочку «номер 2», рекомендуемую в работе с клиентами Психологической службой и означающую «сдержанное удовлетворение заслуженной похвалой клиента и поддержание в клиенте уверенности, что дальше все

будет сделано еще лучше». Протянул заказчику планшет с красным пятном сканера в правом верхнем углу.

– Отметьте, что первый этап выполнен, Яков Акимович. Причем досрочно.

– Да, да, – согласился Яков Акимович, стилем вывел свою подпись с завитушками в графе «Подпись заказчика» и приложил большой палец к пятну сканера, подтверждая оплату.

– Значит, теперь мы встречаемся послезавтра, – напомнил заказчику Стан и выдавил из себя улыбку «номер 3», демонстрирующую «явно выраженную готовность к дальнейшему сотрудничеству и желание как можно скорее вновь увидеть уважаемого клиента».

– Я сделаю общий обход дома, по всем комнатам. И подготовлю что-нибудь по спальне и детской, минуты на полторы. А третий этап с садом и хозяйственными делами надо еще обсудить, что-то мне не очень нравятся текст и видеозапись, которые подобрали наши маркетологи. Подберу несколько своих сюжетов, вместе посмотрим.

Яков Акимович согласился со всем, что говорил Стан и пообещал привезти к третьему этапу своего архитектора, чтобы он был в курсе. Они обменялись рукопожатием, Стан едва не передернулся, ощутив влажное прикосновение. Уже на выходе, у самой двери, услужливо раскрывшейся при его приближении, Яков Акимович вдруг остановился, вскинул пухлую ручку ко лбу, словно вспомнил что-то важное, и повернулся к Стану. Пришлось срочно выдавливать очеред-

ную улыбочку вежливого внимания. Без номера, черт их все упомнит, номера этих психологических штучек.

– М-м, Станислав... А почему я не видел сегодня Галочки? Что с ней случилось? Не заболела ли? – глазки его, хитро прищуренные, забегали вокруг, перескакивая по комнате, словно он пытался уследить за невидимой мухой. Но мух никаких не было, и Стан, выведя на лицо улыбку «номер б», означающую «вежливое недоумение по поводу вопроса, не относящегося к работе и готовность выполнить желание клиента, не противоречащее уставу компании» мысленно издал протяжный мучительный стон. За этими вопросиками он ясно видел только похотливое желание клиента поглазеть на стройные ножки, осиную талию и пышную грудь его коллеги.

– Вы знаете, Яков Акимович, она выехала с заказчиком на объект. Сегодня уже не вернется в офис. Но в среду она будет обязательно, и если вы желаете что-то с ней обсудить...

– Да я это, просто так поинтересовался, – словно почувствовав в голосе Стана скрытую неприязнь, сразу заюлил клиент. С Галиной он не работал, и интерес к её персоне был излишним, видно он это и сам понял. Глазки его задержались на мгновение на лице Стана, потом мигнули и снова забегали по комнате.

– Просто смотрю – ее нет, может, случилось что, думаю... Но если все в порядке, то я уйду со спокойной душой. До свидания.

Клиент помахал ручкой и выкатился на своих коротень-

ких ножках в коридор. Дверь закрылась и Стан позволил себе выругаться вслух.

– Вонючий потный боров!

И сразу полез в стол за влажной косметической салфеткой. Ну почему, ожесточенно оттирая руки, думал Стан, этот Яков Акимович не следит за своим весом? Отрастил брюхо как у бегемота и не стыдится... Есть ведь ген-коррекция, можно и от потливости избавиться, да и на диете мог бы посидеть, чтобы брюхо не росло... Нет, куда там! Такие свои желания ставят превыше всего, ублажают себя, любимых и на мнение окружающих им наплевать.

Стан выбросил истерзанную салфетку в урну под столом и со вздохом взялся за очистку шлема. Надо будет сказать Галке, чтобы в среду она обязательно была здесь, пусть клиент на неё пялится, меньше в моем шлеме сидеть будет. Ей за это, в общем-то, и платят такие же деньги, как и ему, хотя он делает все гораздо лучше. И быстрее, если уж на то пошло. А ее держат по настоянию психослужбы, которая убедила руководство в том, что демонстрация клиентам прелестей сотрудниц имеет немаловажное значение для имиджа компании и привлечения новых клиентов. Они в некоторой степени правы, ведь большинство клиентов ничем не лучше этого потного борова и готовы лишний раз посетить офис компании, чтобы поглазеть на привлекательных сотрудниц и попытаться их соблазнить. Психослужба даже рекомендует новым сотрудницам, одеваться так, чтобы воздействовать на клиен-

та с максимальной эффективностью. Но как же это неприятно наблюдать на практике! Руководство иногда начинает забывать, что основную работу делают не девочки с длинными ножками, а специалисты по созданию визуальных образов. Нельзя же уравнивать талант и посредственность только потому, что у посредственности красивые ноги и грудь...

Черт, когда же он займется по-настоящему интересным делом? Сколько еще придется обслуживать таких вот клиентов, прежде чем ему доверят заняться серьезной работой, переведут в литературный отдел или в отдел научно-популярных обзоров? Только там мест свободных нет, и в ближайшие годы вакансий не предвидится.

Запищал внутренний телефон и Стан левой рукой поднял трубку, правой же метнул скомканный шарик в никелированную мусорницу. И не попал.

– Станислав, зайди ко мне, если не занят, – пробурчал главный редактор, и, не успев Стан и слова сказать, отключился.

В кабинете главреда, куда его ввела секретарша Диана после предварительного звонка никого, кроме самого главного не было, и это было подозрительно. Неужели кто-то из отдела ПС опять пожаловался? Настучали по жалобе той клиентки, что хотела им попользоваться как жиголо, а он отказался? Но ведь вежливо отказался... Жаль, не успел Диану спросить, кто здесь был до него. Да и черт с ними, этими психологами. Ну не может он постоянно и непринужденно

улыбаться клиентам, как рекомендуется, так что теперь? А ничего, угрюмо ответил он сам себе, подходя к столу по приглашающему жесту главного редактора. Снова премиальных лишит. Или очередной выговор объявит, с последующим написанием на обязательную беседу в отдел ПС. На тему соблюдения корпоративной этики.

– Садись, – кивнул главред на стул перед собой, после того, как Стан поздоровался и проследил взглядом за тем, как Стан садится.

– Я вижу, – переведя взгляд на экран, сказал главный, – что у тебя все идет хорошо.

Стан неуверенно кивнул, стараясь выглядеть уверенным в себе, как и подобает сотруднику солидной фирмы. Еще бы не видел, как у него идут дела. Наверняка ведь просмотрел информацию по его заказам перед тем, как вызвать. Или сейчас смотрит. Стан напрягся, ожидая теперь только худшего. Главный редактор имел привычку сначала сообщать хорошие новости, а затем бил, словно молотом по голове, плохими. Да так, что некоторых под руки выводили из кабинета – ноги не держали после полученного производственного втыка. Такое случалось нечасто и доставалось нерадивым сотрудникам всегда по делу, только легче от этого не становилось.

– Значит, на следующей неделе у тебя никаких заказов не запланировано. Так... С текущим заказом ты справишься, я думаю, вовремя.

Главный не спрашивал, он утверждал. Стану оставалось только согласно кивать головой и ждать неожиданного и, судя по тому, что ничего хорошего пока не услышал, весьма неприятного удара.

– Тогда хочу предложить тебе посетить одного моего знакомого. Побеседовать за жизнь, – главный сделал паузу и, встретив угрюмый взгляд, плотоядно усмехнулся. – О будущем поговорить, прояснить перспективы.

Стан потупился. Видимо местные психологи поняли, что своими силами не справятся и уговорили главного отправить его к другим. В какую-нибудь психушку, на консультацию.

– Это не имеет отношения к нашей конторе, – после небольшой паузы сообщил главный. – Знакомый мой из ИРКИ набирает добровольцев для одного проекта. Может, ты для них и подойдешь. Я взял на себя смелость порекомендовать тебя.

Стан удивленно открыл было рот, собираясь задать вопрос, а вернее сразу два, но главный его опередил. Он всегда брал инициативу в разговоре на себя, особенно с подчиненными.

– ИРКИ – это институт развития космических исследований СОЧ, не государственный. А проект «Песочный замок» относится к исследованию одной звездной системы, где могут быть разумные обитатели. Ну а СОЧ – это Свободная организация человечества, может ты о ней что-то смотрел.

– Зачем?.. – снова не успел определиться с вопросом

Стан, совершенно не понимая, какое отношение он имеет к разумным обитателям какой-то звездной системы. И про институт этот он первый раз слышит.

– Зачем ты им нужен? Это тебе Василий Феофилакт, мой друг и сотрудник ИРКИ объяснит, если захочешь пойти на встречу. К нашей работе это имеет косвенное отношение, – словно предвидя все последующие вопросы Стана, терпеливо пояснял главный редактор, глядя на него испытующе. – Им нужны люди творческого склада, имеющие опыт работы по визуализации и желающие принести пользу науке. Как ты на это смотришь?

– Я? Евгений Харитонович, они что, собирают экспедицию туда... в эту систему посылать?

– Нет, – снисходительно усмехнулся главный редактор. И добавил, уже без улыбки: – Все исследования ведутся автоматическими станциями, от них приходит информация, которой занимаются в ИРКИ. Но у меня нет времени читать тебе лекции. Посмотри в Сети, у них есть сайт. Им нужны специалисты твоего профиля. Работа у них необычная, но интересная. Если интересуешься, то я дам контактные данные. Если нет...

– Да, – неожиданно для самого себя, охрипшим голосом просипел Стан и, кашлянув, повторил уже нормальным голосом: – Да, интересуюсь.

– Тогда визитку я тебе сбросил, договорись о встрече, – главный редактор довольно прихлопнул по столу в знак

окончания разговора. Он явно ожидал от Стана именно такого ответа.

– Если все решится положительно, подойдешь ко мне, обсудим дальнейшее. Удачного собеседования, – кивнул ему благожелательно на прощание Евгений Харитонович и снова обратил свое внимание на экран монитора.

Стан вышел из кабинета как лунатик, не обратил внимания на вопросительный взгляд секретарши Дианы, возмущенно надувшей губки за его спиной и прошел по коридору к себе в кабинет, никого не замечая.

Больше всего его удивляло собственное согласие, которое так неожиданно вырвалось. Он ведь и подумать, как следует, не успел, а уже брякнул: «Да!». Было очень странно, что главный редактор вместо того, чтобы накрутить ему хвост и загрузить работой, отправляет его в какой-то институт. Никогда Стан не мечтал о космосе, разве что в детстве. Но откуда об этом знать главному? Зачем им я? Заниматься космическими проектами? Рисовать рекламные ролики? Но ведь визионика к этому никаким боком, достаточно компьютерной графики... Ладно, надо позвонить и все узнать напрямую, чего зря гадать.

«Тебе надоела реклама, да? – усмехнулся он своим мыслям, оказавшись в своем кабинете. – Надоело гнущся перед клиентами, улыбочки изображать? Решил попробовать что-то новенькое, к рекламным делам отношения не имеющего?»

«Да, – сам же себе ответил с ожесточением, – надоело. Хочется настоящей работы, такой, чтобы другие визины сказали: вот это – класс! И чтобы на моей полке в кабинете появился новый кристалл. Не с рекламными роликами, пусть и хорошо сделанными, а с настоящей работой. С полезной работой, которую я сделал... От начала и до конца – сам!

Только главный меня к сюжетам не подпускает, боится, что ли конкурента, хотя какой я ему конкурент? У него три десятка крупных сюжетов сделаны, две премии «Авроры»... Я для него – дырка от бублика. Или он таким мудреным способом хочет избавиться от строптивного работника? Но зачем ему терять какого-никакого, но работника? Посылает, чтобы мне прищемили там хвост – предложат какую-нибудь фигню, я не справлюсь и вернусь, пританцовывая на задних лапках и хвостиком виляя. Вот и вся недолга, буду снова пахать на контору как миленький... Нет, что-то слишком сложно, главный мог мне просто втык сделать и не привлекать каких-то ученых. Мрак и туман, никакой ясности. А все-таки, зачем этому институту визуал-интерпретаторы? Они что, хотят какую-то информацию перевести в образы и послать инопланетянам? Вот только зачем козе баян в виде меня?..»

-2-

Добираться до института было несложно, но долго – сорок пять минут. Большую часть времени выстаивая перед светофорами, вечерний час пик, однако. За городом стало посвободнее, и мобиль прокатил его с ветерком.

Расположенный в стороне от дороги, институт был скрыт высоченными елями, и он едва не проскочил мимо нужного поворота, заметив указатель в самый последний момент. Оставив мобиль в режиме ожидания на стоянке, где одиноко стоял замызганный микроавтобус, Стан поднялся по широким ступенькам на крыльцо под далеко выступающим прозрачным пластиковым козырьком и, открыв входную дверь, ступил на движущуюся дорожку входного тамбура. Через три секунды с чистой обувью, сняв палец со сканера доступа, он шагнул в вестибюль, поразивший его простором и полумраком. Не успел он сделать и десятка шагов в сторону лифта, как из растворившейся двери кабины к нему навстречу шагнул Василий Феофилактов, улыбаясь приветливо и протягивая на ходу руку. Высокий, на голову выше Стана и немного сутулящийся, в деловом костюме, ученый двигался энергично и смотрелся лет на сорок. Интересно, подумал Стан, сколько же ему лет на самом деле, ведь в таком институте руководителями должны быть маститые ученые. Надо было на сайте института посмотреть данные по руководству, да некогда было.

На третьем этаже они прошли длинным застекленным коридором, вдоль ряда дверей и, после секундной заминки, пока хозяин прижимал палец к пятну сканера, вошли в кабинет с табличкой, на которой Стан выделил слово «академик». Договариваясь о встрече, Стан и не предполагал, что Василий обладает таким титулом. Ну, доктор каких-нибудь наук,

а тут... Буду звать его про себя Академиком, решил Стан, ему это подходит.

– Присаживайтесь, Станислав, – ученый указал на кресло у журнального столика. Стан, присев в кресло, огляделся вокруг, одобрительно отмечая, что небольшой кабинет, отделанный в пастельных зелено-серых тонах, был уютным и совсем не походил на кабинет руководителя высокого ранга. Письменный стол с компьютерным терминалом слева от входной двери; угол за столом закрыт стеллажом, на полках которого сотня разномастных книг; справа от двери расположился столик с кофеваркой, у которой сейчас и возился Василий. Остальное пространство перед широким окном было занято тремя креслами, журнальным столиком и доской-экраном не меньше полутораметровой ширины. Небогато, но комфортно, решил Стан. Потом окинул взглядом панораму за окном и замер в восхищении.

За окном был лес, зеленым морем уходивший за горизонт, верхушки деревьев были на уровне нижнего среза окна, вдалеке виднелись какие-то металлические конструкции, возвышавшиеся над лесом. Наверное, антенны для космической связи, на радиотелескопы не похоже, решил Стан.

– Чай, кофе? – поинтересовался академик и Стан, оторвавшись от созерцания, чувствуя себя неловко, сначала пожал плечами, потом решил, что лучше все-таки кофе.

– Лучше кофе, Василий... – тут Стан запнулся, лихорадочно вспоминая, какое же отчество у академика, и почув-

ствовал, что краснеет. Вот черт, какое неудачное начало собеседования, мелькнуло у него. Он склонил голову к столику, стараясь скрыть свое смущение. Но академик этого не заметил, отойдя к столу у стены, на котором располагалась кофемашина.

– Василий Аркадьевич, – академик принялся возиться м машиной и посудой.

– Прошу, -, академик поставил перед Станом блюдце с чашкой и кивнул на поднос с сахарницей и ложечками. Сев напротив Стана, он взял в руки свою чашку и кивнул в сторону окна.

– Прекрасный вид. Очень красиво, особенно ночью, когда включается подсветка антенн дальней связи.

– Да, наверное, – согласился Стан, вздохнув про себя облегченно, и торопливо взял свою чашку. Кофе был крепким и ароматным, но очень горячим и он обжегся, сделав первый глоток.

– Тогда перейдем сразу к делу, Станислав, – академик отставил чашку и откинулся на спинку кресла. – У нас здесь принято сразу брать быка за рога, чтобы не тратить время на экивоки. Вы согласились на собеседование, но вряд ли точно знаете, для чего мы вас пригласили.

– Да, Евгений Харитонович говорил о проекте «Песочный замок», но...хотелось бы узнать подробнее. А на сайте вашего института я немного успел посмотреть. Это интересно, то, чем вы занимаетесь. Ну, полеты к звездам, поиск разу-

ма...

– Да, пока основная информация по проекту еще обрабатывается и для общего доступа закрыта, – кивнул академик и, прищурившись, усмехнулся. – Любознательные нам нужны... Тогда расскажу немного, чтобы обрисовать ситуацию в целом.

Академик встал и подошел к стоящей рядом экранной доске, взял в руки пульт и запустил демонстрационный ролик. В черноте космоса возникла планетная система с ярким светилом в центре, к которой приближался матово отсвечивающий объект, который Стан принял за один из вариантов межпланетных зондов. Качество картинка было хорошее, но Стан догадался, что это была компьютерная анимация. Академик провел рукой над экраном и изображение стало увеличиваться.

– Система Сигмы Дракона включает шесть планет разного типа, несколько десятков спутников крупных планет, но для нас наибольший интерес представляют планеты земной группы. Вот на второй от светила планете и была обнаружена разумная жизнь. Автоматическая исследовательская станция, как мы их коротко называем – АИС, работает там уже больше года, предварительная разведка закончена и теперь мы собираемся заняться изучением этого мира вплотную. Но проект «Песочный замок» нацелен на другую систему, в созвездии Рыб. Сейчас готовится к запуску восьмая исследовательская станция. Шесть доноров составят рабочую

группу, сколько людей поддержки будет занято дополнительно, я сейчас точно сказать не могу, на начальной стадии – не меньше тридцати. Но это будут наши работники, технические специалисты и ученые, а вот доноров у нас мало, поэтому мы подбираем новых людей на стороне.

Заметив недоумение на лице Стана, академик терпеливо пояснил: – Донор это человек, который имеет опыт работы в области интерпретации информации, получаемой с помощью органов восприятия, в основном – зрения. Мы ведь большую часть информации о мире получаем через зрение. Слух, осязание и обоняние тоже важны, но это специфические параметры и для другой формы жизни ни могут заменяться какими-то новыми чувствами и ощущениями. Это очень интересная область ксенологии, но сейчас для нас важно научиться разбираться хотя бы в основном параметре, который присущ большинству разумных. Нам нужны люди, способные классифицировать эмоции и чувства, проводить верные аналогии и ассоциации... В общем, быть трансляторами разума, как мы это понимаем и называем. Требования к донорам очень высокие и мы постоянно ведем поиск таких людей, очень тщательно отбираем самых лучших. Найти доноров трудно, поэтому я и попросил Евгения помочь мне, по старой дружбе. Он ведь с визинами общается, да и сам один из них.

Стан кивнул, соглашаясь, и академик продолжил.

– Вы работаете визуал-интерперетатором уже два года, но

вы еще не успели втянуться в «конвейер» по выпуску рекламных штамповок, не зашорились... Поэтому Евгений и предложил вашу кандидатуру, он ведь когда-то и сам проходил такой отбор. Мы предлагаем вам пройти проверку и, если подойдете и захотите, стать сотрудником проекта.

– Вы все-таки хотите послать туда экспедицию? Но Евгений Харитонович говорил, что никто не полетит... – выдавил первое пришедшее на ум Стан, подавленный таким обилием информации. И пока не понял, кто же такие доноры. Что они сдают? Для кого? Но надо ведь с чего-то начинать, поэтому и спросил то, что первым пришло в голову.

Академик кивнул головой и лукаво усмехнулся. Картинка на экране застыла.

– Экспедиции работают, исследования ведутся там и здесь одновременно. Конечно, туда никто не полетит. Полет занимает слишком много времени, защитить людей от всех угроз и перегрузок, обеспечить их жизнедеятельность на многие годы пока невозможно. Поэтому к звездам отправляем только автоматические станции, а люди создают основу для их работы. Все доноры остаются на Земле. К звездам уйдет пакет с информацией, обратно вернется информация, новая и в большем объеме. И с ней надо будет много работать.

Стан ничего не понял, но решил не сдаваться. Глупее чем есть, не покажешься. А разобраться в этих сложностях хотелось бы.

– Тогда как же вы будете изучать этих... разумных? При-

везете сюда несколько особей, но ведь их тоже надо будет обеспечивать и оберегать?

– Нет, это запрещено Конвенцией об исследовании Космоса. Чужие миры можно изучать, брать образцы растительности, минералов... Но забирать живые организмы в Космосе и ввозить на Землю запрещено, уж тем более такие, которые считаются разумными.

Стан нахмурился, пытаясь догадаться, зачем тогда доноры, и, тем более, зачем нужен он. Может, институт решил посылать в космос человеческих клонов? Но ведь это было признано невыгодным?.. Он еще школьником читал о первых экспедициях на Марс и помнил то разочарование, которое испытал, когда узнал, что к звездам отправляют только автоматические зонды.

– Последняя исследовательская станция СОЧ, седьмая по счету, стартовала с Земли тринадцать лет назад. С тех пор к звездам не уходил ни один серьезный аппарат, – будто угадав, о чем он думает, уже без улыбки сказал академик и задумался, глядя в окно. – Интерес у государственных космических агентств к подобным экспедициям угас, а частные компании не хотят вкладываться – сиюминутной выгоды нет, а на перспективу они не особенно закладываются. Могут в рекламных целях профинансировать легкий зонд, который для науки даст немного, но на пару месяцев поднимет рекламную волну для инвестора в СМИ, не более.

Стан допил кофе и осторожно поставил чашку на блюдце,

поерзал, устраиваясь поудобнее в кресле. Судя по всему, беседа будет продолжительной, но он ведь для этого и приехал сюда.

– Так вот, – перевел на него взгляд академик и продолжил, ловко работая с пультом. Картинки на экране менялись по ходу беседы. – Результатов особых экспедиции не принесли. Две первые, которые посылало NASA, отработали ближайшие звездные системы, не найдя ничего интересного, с точки зрения обывателя, конечно. Данные по астрономии, планетологии и межзвездному пространству... Для нас, научных работников, материала они прислали на десятки лет работы, но для остальных – это не интересно, разве что красивые фотографии или видеосъемка. Но красивые изображения давно умеют делать и на Земле, и интерес к таким исследованиям снизился. Третья станция исчезла бесследно в системе звезды Аль-Сафи, всего 18 световых лет от Земли, а мы до сих пор не можем узнать, что с ней произошло. Два легких зонда, посланные нами, тоже пропали... Известий от четвертой станции ждать еще рано, она ещё в пути к намеченной звезде. Китайцы выслали к Мю Геркулеса свою исследовательскую станцию, но пока никаких новостей нет. Им еще несколько лет до нее добираться. Путешествия с досветовой скоростью тянутся долго, всякое может произойти. После прибытия к месту назначения станция должна выслать базовый сигнал и затем начинаются исследования. Периодически в сторону Земли отправляется пакет информа-

ции о ходе работ, в любой момент времени может произойти непредвиденное и сообщить об этом станция может не всегда. Технические неполадки, столкновение с астероидами или кометой, даже облако пыли на орбите крупной планеты может вывести станцию из строя за секунды...

Риски очень велики для автоматов, а уж посылать людей в такие экспедиции – невозможно, даже преступно. Мало того, что шансы благополучно долететь мизерные, так ещё в случае удачного перелёта возникает дилемма: остаться там, если есть подходящая планета и возможен контакт с новым разумом или начать колонизацию, если планета необитаема разумными. Возвращаться на Землю в режиме гибернации – это уже за гранью риска...

Только представьте себе, Станислав, как это ужасно – потерять двадцать-сорок лет жизни в полете и не обнаружить ничего стоящего риска, и затем вернуться ни с чем... Были люди, которые соглашались отправиться к звездам, но это скорее всего были не очень умные люди, не осознающие всех трудностей и рисков, авантюристы. Научные исследования всегда убыточны на начальном этапе, и рисковать людьми, когда автоматы справляются с разведкой быстрее и эффективнее, бесчеловечно. Так решили экономисты и свернули программы полетов даже внутри Солнечной системы. С этим можно спорить, соглашаться или нет, но все решают ресурсы, которых всегда не хватает. Сейчас проектируют ТП-корабли, которые смогут перемещаться на меж-

звездные расстояния через подпространство, но это только проект и первые образцы. Скоро за год-полтора можно будет достичь звезд, до которых раньше приходилось лететь десятки лет, и вернуться. Только чем больше масса корабля, тем больше требуется энергии для перехода. А для экипажа в десяток человек требуется очень много запасов, масса корабля достигнет десятков тысяч тонн и для его полета потребуются компактный и емкий источник энергии, которого пока нет. Поэтому решили посылать автоматические исследовательские станции с огромным количеством датчиков и лабораторного оборудования, с их помощью можно тщательно изучать планетные системы, высылая на Землю только информацию. Субквантовая связь позволяет передавать информацию практически мгновенно, затраты энергии небольшие. Это оказалось очень экономично, гораздо выгоднее, чем посылать людей...

Стан подумал, что давненько он не слушал лекций. Но если рассуждать с точки зрения обычного, среднестатистического человека, то действительно, ему вот, больше всего нравилось смотреть видовые фильмы, смонтированные из записей первых экспедиций. Статистика и научные данные вызывали у него скуку и желание поспать. А дискуссии о том, надо ли продолжать исследование Космоса и поиски внеземного разума его не волновали, найдут инопланетян – хорошо, не найдут – он рыдать не станет. У него есть своя работа, интересная и занимающая все его время, а что там творится в

глубинах Космоса – дело темное. Пусть ученые разбираются.

– Да, многое вышло не так, как ожидали, – продолжил Василий и невесело усмехнулся. На экране замерло изображение станции с торчащими антеннами, датчиками и большой тарелкой радиотелескопа.

– Но не буду тебя слишком нагружать, коротко подведу итоги. После некоторой эйфории, когда пришла информация от первой станции, принеся доказательства того, что до звезд можно добраться, за дело взялись экономисты. И оказалось, что Земле не нужны новые миры! Современная мировая экономика не позволяет заниматься их колонизацией: слишком огромные расходы на переброску людей, самого необходимого для начала работ. Да и кому это нужно, если с новых планет что-либо вывозить экономически невыгодно? И что может заинтересовать сегодня среднего жителя Земли? Все, что ему нужно, производится здесь, технологии позволяют удовлетворить любые запросы, был бы спрос. А сырьё достаточно и в Солнечной системе. Современному обществу потребителей нужны новые товары и развлечения, здесь и сейчас, никто не желает ограничивать себя в ожидании будущих чудес и открытий. После нас хоть потоп! – вот старый девиз, вновь поднятый на знаменах довольного человечества. Какое им дело до потомков? Пусть они думают, как жить, когда появятся. К тому же, слишком мало найдено таких планет, которые подходят человеку, или он подходит к ним, очень уж тонкая у нас настройка на земные условия.

Магнитное поле, атмосфера, световой баланс, десятки других физических факторов... Попробуй, отыщи вторую такую планету! А освоение остальных требует таких огромных начальных вложений, что у обывателя, которому СМИ рисуют только жуткие картины обнищания Земли после начала колонизации других миров, волосы дыбом встают. Да и других проблем на Земле ещё достаточно, треть населения живет в нищете. Вот и угасли наивные надежды на то, что можно хоть завтра начать звездную экспансию.

Поэтому тем, кто хочет познавать новые миры приходится самим зарабатывать на исследования. Как нам, например, для установления контактов с чужим разумом. Ведь и в этом вопросе все оказалось совсем не так просто, как об этом пишется в книгах и показывается в фильмах. СОЧ послала семь исследовательских станций, на этот год запланирован запуск восьмой.

Две системы с разумной жизнью, обнаруженные нашими станциями разбили все ожидания и надежды на установление быстрого контакта с иным разумом. Слишком велика оказалась разница между нами. По настоящему никто и не был готов к такому контакту, хотя готовились. Языки придумывали, правила контакта, методы общения...

Академик вздохнул, пожал плечами, словно выражая недоумение наивностью коллег-ученых.

– Мы ведь всех встречных готовы судить по себе, да иначе и невозможно. Антропоморфизм, никуда от него не денешь-

ся. Ты знаешь что-нибудь о кристалломорфах Каньона или водных жителях Жемчужины?

– Да, немного смотрел в Сети. Но ведь говорили, что они не обязательно обладают разумом, наши пчелы или термиты строят сложные сооружения, плотины и хатки бобров тоже впечатляют, – неуверенно заметил Стан, вспоминая те бурные дискуссии в Сети, когда учился в школе. Тогда еще на полном серьезе обсуждали строительство космического флота для отражения инопланетной агрессии.

– Но разве можно считать, что во Вселенной не найдется такой разум, который будет представлять для нас опасность? Который будет превосходить нас технически и легко сможет добраться до Земли в случае контакта? Кто знает, что им может от нас понадобиться. Может, действительно, не стоит нам спешить с поисками других разумов, пока сами не можем порядок на своей планете навести?

Но академик только пренебрежительно махнул рукой, отмечая такие наивные доводы.

– О да, был всплеск истерии в СМИ, когда недалекие писаки подняли бородатую тему враждебного разума, спешащего покорить незащищенную Землю и поработить бедное человечество. Как же без этого?! Инопланетяне только и мечтают о наших красотках и шоколадках! Чушь и полный бред! Конечно, было бы замечательно, найди мы в Космосе своих двойников. Но природа всегда поступает по-своему, она создает жизнь в тех условиях, что присущи иным мирам. Веро-

ятность совпадения с земными условиями слишком мала и мы должны принимать это без эмоций. Поначалу многие солидные ученые отказывались признать разумность этих существ, ведь они совсем не были похожи на нас. Их разумность проявляется в другом, мы доказали, что это не просто новые формы жизни, но разумные. Что для обывателей было только поводом для новых страхов и ксенофобии. Как же иначе, ведь они не строят железных дорог и небоскребов, нет у них радио или лазеров, не стремятся они и в космос. Значит, им все это нужно отобрать у нас... Преодолеть эти атавистические эмоции невозможно, убеждения на обывателей не действуют. Да и черт с ними, если бы ученые слушали обывателей, мир до сих пор жил бы в пещерах. Мы обрабатывали полученную информацию и добились кое-каких успехов. Новый разум найти можно, вот понять его – это проблема... Они познают окружающий мир и преобразуют его по-своему, это можно обнаружить и мы это сделали, доказали их разумность всем скептикам. Казалось бы, обнаружение иного разума должно всколыхнуть человечество, вызвать интерес и придать новый импульс исследовательским работам. Но все очень быстро успокоились, выяснив, что эти разумы не могут угрожать Земле в ближайшие десятки тысяч лет, ведь они не технологичные, как мы и в космос не выходили, и вряд ли собираются... И слава богу! – взмахнул свободной рукой академик и довольно хохотнул.

Стану было непонятно, что в этом веселого. Наоборот,

ему всегда казалось, что надо было послать хотя бы одну экспедицию с людьми. Вдруг и удалось бы установить контакт, получить новые знания и поделиться своими технологиями. Собеседник, заметив его недоумение, тут же поспешил пояснить, почему он так рад отказу Земли от посылки экспедиций к этим мирам.

– Хорошо, что никто, кроме СОЧ, не строит надежных межзвездных кораблей, а те, что имеются, находятся под международным контролем. Иначе какие-нибудь оголтелые ксенофобы с деньгами вполне могли отправить туда новых конкистадоров, вооруженных до зубов. Нет, для человечества еще не пришло время контакта. Сколько было разговоров о том, как надо устанавливать контакт и что считать разумом! Только на поверку все оказалось гораздо сложнее.

Что может сделать человек там, где все живет и развивается по неизвестным ему законам? Прилететь, выйти из корабля и протянуть руку с предложением дружбы и сотрудничества? Но к каким последствиям это приведет? Надо сначала узнать, как воспримут людей и такой простой жест хозяева планеты. Мы даже понятия не имели, как они воспринимают окружающий мир, что они делают и для чего... Экспедиция могла только навредить – ведь сколько лет понадобится ученым, чтобы выяснить самые элементарные вопросы, прежде чем решить, каким образом можно установить контакт, что нужно делать и каким образом общаться... Сколько лет на это уйдет? По нашим расчетам – не меньше пятнадцати, и

то это оптимистические оценки. И все это время корабль должен оставаться на орбите, а изучение должно проводиться дистанционно. Скорее всего, через короткое время самые нетерпеливые головы добились бы разрешения на высадку, и вполне вероятно, что случится не контакт, а конфликт с непредсказуемыми последствиями. Человек слишком нетерпелив, он стремится навязать себя Вселенной, а здесь нужно сначала понять с кем имеешь дело, а потом уж устанавливать контакты. Люди могут таких дров наломать...

– Но разве не могли наши ученые установить связь с такими же учеными, обитателями тех миров? Раз они стремятся к познанию, если их признали разумными, значит, они способны на контакт, – высказал предположение Стан, припоминая прочитанное по этому поводу. Но это были, в общем-то, фантастические книжки, ничего серьезного по этому поводу он не читал. А голливудская штамповка вызывала у него только раздражение и головную боль примитивностью сюжетов и плоскими шуточками. – У них должна быть какая-то связь, если не радио, то световая, лазеры какие-нибудь... Были же проекты по разработке универсальных трансляторов, даже языки искусственные создавали, специально для контакта...

– Да, все это было, – снова рассмеялся академик, заметив, что Стан замялся, не решаясь дальше углубляться в малоизвестную область. – Только все это рассчитано на человека и для человека, вот в чем проблема. Мы не можем вырвать-

ся из себя, отделиться от нашего тела, взглянуть на мир чужими глазами. Понимаешь, в чем соль? Мы не можем поставить себя на место чужака, потому что не знаем, что он такое, не знаем его мира. Мы сами можем увидеть его мир только таким, каким он представляется нам, а не ему. И наше представление может оказаться совершенно несовместимым с представлением аборигенов. Мы хотим с ними установить контакт – прекрасно! А вот надо ли это им? Может, они не желают общаться с чужаками из принципа? Смогут ли воспринимать нас как разумных существ? Сможем ли мы найти общий язык и на основе чего? Что нужно им и что можно взять у них? Это, и многое другое предстоит выяснить, прежде чем вступать в контакт. У нас ведь есть хорошая поговорка: в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Но как же тогда поступить?

Академик отложил пульт и, захватив со столика чашки, пошел за новой порцией кофе. Стан, уже весьма заинтригованный, начал прикидывать, что могли бы сделать посланцы Земли в мире кристаллоидов, но кроме почерпнутых из фантастических книжек вариантов, ничего серьезного не припомнил. Академик поставил перед ним дымящуюся чашку, кивнул в ответ на «Спасибо».

Словно поняв, чем сейчас Стан озабочен, академик отхлебнул кофе и продолжил: – Да, трудно придумать такой способ изучения, чтобы избежать влияния человека на результаты. Автоматы тоже не могут его заменить, они лишь

могут собрать сведения о физической картине мира. Законы физики всеобщие, теперь мы это знаем точно. Да только от этого мало пользы, когда разум другой. Но решение было найдено, может и не самое лучшее, но нам кажется, что на сегодняшний день вполне эффективное. Свободная Организация Человечества, чьи станции нашли планеты с разумными обитателями и продолжают их изучение, решила пойти по другому пути. Чтобы понять чужого надо если и не стать им, то хотя бы на время очутиться в его шкуре. Пожить его жизнью, посмотреть на мир его глазами, послушать его ушами, потрогать его пальцами... Вот после этого можно будет подумать о том, как устроить встречу и познакомиться вживую. СОЧ объединяет лучшие умы планеты для реализации своих проектов и для этой проблемы тоже была создана большая группа, в которую вошли лучшие ученые. Но основа была заложена гораздо раньше.

Как только отправилась первая звездная экспедиция, был запущен проект «Александрия», который, подобно мусейону, основанному Птолемеями в древнем Египте, собирает сведения о новых мирах и их обитателях. Я уже девятый координатор этого проекта, только теперь «Александрия» объединяет еще четыре проекта, запущенных позднее. В первом и основном, собираются все сведения, получаемые от АИС и различных зондов. На сегодняшний день мы имеем сведения о ста сорока семи планетах. Второй проект – «Гефест», был основан после запуска третьей станции, ещё

до открытия планет с разумной жизнью и должен был разработать методику изучения разумных обитателей, конкретные способы и приборы. Последние тридцать пять лет мы используем для изучения чужого разума систему «Мнемосина», созданную учеными третьего проекта. Уже есть практические результаты по Жемчужине, сейчас идет расшифровка полученных там сведений. Для Каньона применение «Мнемосины» пока проблематично, все-таки там совершенно другая основа жизни, но исследовательские работы ведутся, по ним был развернут третий проект по изучению кристаллоидов «Сапфировые четки». А вот четвертый проект, «Песочный замок», был заложен совсем недавно, когда мы получили первую информацию с Эты Дракона. И для этого проекта сейчас набираем доноров.

Академик допил свой кофе, поставил чашку на блюдце и потер руки, словно разминая уставшие от работы с пультом пальцы. Стан сидел молча, глядя на матовую поверхность столика и пытаясь угадать, что же придумали ученые.

– В чем суть «Мнемосины»? – словно задавая за него вопрос, негромко произнес академик, и Стан удивленно вскинув голову. Он хотел задать такой же вопрос, ведь это уже могло иметь к нему непосредственное отношение. Академик встал и, прихватив пульт подошел к экранной доске. Выведя нужное изображение, принялся объяснять, водя пальцем по экрану.

– В самом начале начале работ, больше тридцати лет на-

зад, репликанта ещё не было, тогда пробовали снимать данные по работе мозга живых существ с помощью сетчатых приемников или небольших имплантов. Но это оказалось ненадежным и малоинформативным способом, да и воздействие на аборигенов было шокирующим. Поэтому решили использовать технологию визионирования, уже отработанную на земных животных. Сейчас система основана на том, что в клонированное тело аборигена встраивается репликант части мозга человека, обладающий способностью собирать всю информацию, поступающую через рецепторы аборигена и связывать её ассоциативно с ощущениями чужого сознания. Репликант с помощью развитой сети нейронов создает свои образы, которые сохраняются и могут быть восприняты донором или другим специалистом. С репликанта считываются данные, накопленные за определенный период, и передаются через станцию к нам, на Землю. В опытах с земными приматами было обнаружено, что между двумя сознаниями собранных в одном организме обязательно возникает связь, не прямая и очень слабая, на уровне подсознания. Может быть эта связь у более развитых организмов в дальнейшем пробьет барьер и тогда два сознания начнут взаимодействовать... Пока подтверждений такому нет, но ведь и работы такие ведутся всего два десятка лет. Происходящие процессы сложно объяснить на пальцах, но этот симбиоз действует и позволяет собрать очень ценные сведения, без которых установление контакта вряд ли будет возможно. С помощью до-

норов, которые позволили снять их матрицу мозга и воспроизводимую в репликанте клона, мы уже можем видеть мир Жемчужины глазами аборигенов и последние сомнения в их разумности отпали. Конечно, при расшифровке накладываются искажения, ведь каждый донор – человек, он воспринимает мир субъективно. Оптимальным было бы использовать для расшифровки данных от одного аборигена нескольких интерпретаторов, но здесь есть сложности в процессе восприятия записей. Совместимость очень низкая, лучше всего данные воспроизводятся тем донором, чей репликант был внедрен в аборигена. Другие визины с трудом могут читать чужие записи.

– Я не очень сложно объясняю? – спросил академик и Стан, задумчиво разглядывавший схему на экране, вздрогнул от неожиданности.

– Да нет, пока все понятно, – пожал плечами Стан. Вопросы у него были, но второстепенные, суть он уловил. А что до трудностей с восприятием чужой информации, то он с таким не сталкивался. Пока. Все «сырые» записи, что он брал у коллег, воспринимались нормально. Но здесь ведь предстоит воспринимать совершенно по-другому записанную информацию, заранее ничего сказать нельзя. Носитель-то не человек! Или все-таки человек? Но что об этом сейчас гадать, сначала надо пройти проверку. Может, он и не подойдет для такой работы.

Академик кивнул с сомнением, но дальше выяснять ни-

чего не стал и продолжил лекцию.

– Полгода назад мы получили данные о новом мире, населенном разумными обитателями в системе Эты Дракона. В наш каталог добавились восемь новых планет и третий разум. Мы назвали планету «Хризолит», издавела она золотисто-зеленая, воды там мало. Ты видел записи, переданные станцией? Прекрасно смотрится с орбиты, верно? Остальное еще в обработке, но скоро будет возможность посмотреть записи зондов-разведчиков, запущенных станцией. Планета расположена близко к местному солнцу, слишком жарко на поверхности и разумная жизнь сосредоточена в пещерах. Вот для этой планеты мы и готовим группу доноров. Тебе предлагается пройти отборочную проверку, чтобы стать нашим сотрудником. Если ты пройдеши, с твоего мозга снимут копию, запишут её на кристалл памяти и данные с лунной станции связи перешлют на станцию «Поиск-6», она находится на орбите Хризолита. Там репликант твоего мозга вырастят в теле клонированного аборигена, похожего на кенгуру, только без хвоста. Маленький детеныш будет доставлен на поверхность планеты и продолжит свое существование среди аборигенов. Каждые полгода накопленную информацию с аборигена будет снимать зонд-разведчик, затем станция будет отсылать её на Землю. Вот тогда и начнется твоя главная работа – расшифровка полученной информации. Работа рассчитана на много лет и пока только донор может её сделать хорошо. Понимаешь теперь свою роль?

Академик снова задал вопрос неожиданно, но Стан уже не отводил от него взгляда и ответил сразу, стараясь всем своим видом показать, что ему все понятно.

– Да, вам нужны именно визины. Там делается запись, здесь она с моей помощью переводится в доступную для всех форму. Восприятие образов записанных мною на кристалл не требует специальных знаний или подготовки. Одел шлем – и воспринимай все, что я записал. Так ведь?

– Молодец, правильно мыслишь. Визины подготовлены для этого дела лучше всего. Мы, конечно, готовим и новичков, у кого есть потенциальные возможности. Но это занимает много времени, а доноры нужны уже сейчас.

– Только учти, – нахмурился академик, выключив экран и усаживаясь напротив. – Проверка будет очень сложной, вполне вероятно, что ты не пройдешь. Кандидатов мало, но нам нужны самые лучшие. Не будет потом обид, если не пройдешь?

Стан пожал плечами и криво усмехнулся.

– Будем надеяться, Василий Аркадьевич, что пройду. Нет, так дальше буду рекламой заниматься.

– Хочешь увидеть чужой мир? – напряженно подался вперед академик, заглядывая ему в глаза. – Хочешь почувствовать себя чужаком? Ощутить то, что он чувствовал? Не боишься?

– Да, хочу, – выдержал его взгляд Стан и добавил с усмешкой: – И не боюсь. Чего тут, на Земле, мне бояться?

Он на секунду представил, что сможет увидеть совершенно другой мир. Да к тому же ещё и чужими глазами! И в груди заглодело от предчувствия чего-то необычного, пугающего и манящего своей неизвестностью. Но страха у него не было, да и чего бояться? Он сможет увидеть то, что никто до него не видел! Это ведь такое... никто такого не придумает, он будет первым, кто сможет увидеть чужой мир чужими глазами, а затем показать его остальным. Это покруче любой компьютерной анимации, такое не под силу самым изощренным визинам!

– Хорошо. Я надеюсь, что Евгений не ошибся, когда предлагал тебя, – кивнул довольный Василий, затем резко встал. – Что ж, не будем терять времени даром. Пойдем, познакомлю тебя с группой проекта «Песочный замок», дальше все вопросы будешь решать с ними. Лаборатория за тебя крепко возьмется, но запомни одно – это очень ответственная работа. Нельзя потом взять и отказаться. Записи с твоего аборигена кто-то другой не сможет четко воспринять, придется много возиться. И не беспокойся, твоим сознанием чужой разум не овладеет. Это только в примитивных фильмах человек может стать монстром, если с его сознанием соприкоснется чужой разум. До сих пор еще никто не смог поставить под полный контроль сознание человека, хотя на Земле очень старались такое сделать. Времени вот только пройдет немало, пока клона вырастят, и первая запись придет.

Они прошли по бетонной дорожке между высоченны-

ми соснами и добрались до двухэтажного серого дома, перед входом которого был разбит ухоженный цветник. Запах цветов чувствовался за десяток шагов, Стан успел только выхватить взглядом желтые и бардовые розы. Академик приложил ладонь к сканеру на стене и пропустил Стана вперед. Проход от двери разделялся на два коридора вдоль здания, они свернули направо и вошли во вторую по ходу дверь, на которой кроме цифры «4» ничего не было. В светлой комнате с двумя офисными столами и тремя креслами их встретила темноволосая женщина лет сорока, явно обрадовавшаяся академику. Стану, после его представления академиком, она протянула узкую руку и слегка задержала его ладонь в своей.

– Ольга, координатор группы, – представил её академик и сразу же попрощался. – Ну, я тогда пойду, а вы тут пообщайтесь.

– Очень надеюсь, что Стан пройдет тесты и начнет с нами работать, – улыбнулась Ольга и кивнула на прощание академику.

– Я тоже на это очень надеюсь, – повернувшись к двери, бросил академик и вышел.

Вечером, просматривая в Сети информацию об институте, Стан узнал, что в сорок пять лет Василий Аркадьевич уже является ещё и членкором двух зарубежных академий. А он с ним так увлеченно говорил, будто Стан уже коллегой стал. Послезавтра начнется проверка, посмотрим, на что годен и какие перспективы откроются.

О возможности влияния чужого разума на свой Стан ещё успеет подумать. Сначала надо проверку пройти. Да и возможно ли такое? Раз академик говорит, что нет, то сомневаться не стоит. Они ведь уже давно этим занимаются. Интересно другое. Получается, главред его как самого лучшего своего сотрудника предложил? Но почему не сказал об этом ему, Стану, сразу? Чтобы не возомнил о себе лишнего или решил посмотреть, что покажет проверка?..

–3–

Шлем тестовой установки был очень похож на тот, которым Стан пользовался на работе, возможно, что и начинкой они не сильно различались. Оборудование, компактно расположенное вдоль глухой стены и в двух стойках, делящих комнату на три части, четыре стола с мониторами и два кресла для визинов – всё это представляло интерес для технаря-инженера. Стана гораздо больше занимало то, что происходило в лаборатории, её сотрудники и их отношение к нему. Лаборант Гоша проверил крепление шлема на его голове, закрепил на руках и ногах десяток датчиков и запустил тестовую программу. Стан уже третий раз приходил сюда, но процесс тестирования все еще захватывал его внимание полностью. Что программа предложит сегодня? Экскурсия по Марсу, полет на спутники Сатурна или путешествие по джунглям Амазонки? Во время тестирования он не только успевал работать с заданиями, но ещё и продолжал прокручивать в голове накопившуюся за последнюю неделю инфор-

мацию.

Проверка будет комплексной, пояснил в первый же день, заведующий лабораторией Игнат Коротков, насколько Стан запомнил с первой встречи – доктор технических наук и кандидат по социальным наукам. Компьютер будет проверять его восприятие, физиологические реакции, кратковременную память и объем сохраняемой в долговременной памяти информации... Стан должен посетить лабораторию пять раз, пройти пять тестов, после чего ему сообщат результат – годен ли он для проекта «Песочный замок» или нет.

Название проекта вызывало у него некоторый внутренний протест. Как-то не увязывалось название проекта с теми целями, которые были заявлены академиком на собеседовании. Или это связано с пустынями на планете, где аборигены строят замки из песка? Но на тех фото с Хризолита, что он просматривал, никаких замков не увидел. Или название связано с тем, что сам проект может рассыпаться, как подсохший песочный замок, что летом строят дети на берегу моря? Игнат, выслушав это предположение, удивленно задрал выгоревшие брови и восхищенно покрутил головой.

– Интересная аналогия, если смотреть в перспективу. Мы, значит, выступаем в роли играющих детишек? Неплохо, очень даже интересно. Хризолитяне! Бойтесь, землян, дары приносящих и замки строящих на песке! Надо будет сказать Ольге, пусть заценит юмор кандидата в сотрудники.

Шутки шутками, но у Стана было твердое убеждение, что

координатор проекта именно это и имела в виду, когда давала такое название проекту. Когда он беседовал с ней сразу после того, как их познакомил академик, она произвела на него впечатление человека сомневающегося, но умело свои сомнения скрывающего за маской деловитости. Он только не смог разобраться, в себе она сомневается или в своей работе. Обсуждать это с кем-то из сотрудников института не хотелось, ведь и здесь, наверняка, есть своя субординация и служебная этика. Сначала надо попасть в команду, стать своим, потом уж свое мнение высказывать. Пока что он успел заметить, что здесь, в институте, отношения между людьми строились по-другому и сходства с той корпоративной этикой, которая повсеместно насаждалась в коммерческих компаниях, об этом он знал и на собственном опыте и по разговорам со знакомыми, почти не было. Коллективная работа без бюрократии не может обойтись, считал Стан. Только здесь это проявлялось совсем не так, как в его издательстве, откуда он после работы приезжал на тестирование. С этим различием он хотел разобраться до окончания проверки, которую он надеялся пройти, и уверенность в положительном результате с каждым сеансом только крепла. Об этом говорили и сами сотрудники лаборатории, что его поначалу удивляло.

Здесь не старались придать своей работе таинственность и многозначительность, не пытались произвести впечатление на новичков или посетителей. Принцип открытости, лежащий в основе работы всех подразделений СОЧ и зафиксиро-

рованный в уставе, воспринимался сотрудниками как должное и удивлял только новичков, да и то, поначалу. После каждого сеанса Стан мог ознакомиться с результатами тестов и узнать, насколько они отличаются от того уровня, который считается проходным. После первого сеанса он набрал семьдесят девять баллов из ста, после второго – семьдесят один, что было близко к идеальному образу, созданному компьютером на основании обработанных результатов всех, проходивших тестирование. Средние значения укладывались в шестьдесят восемь – семьдесят шесть процентов.

– Это вовсе не значит, что ты обязательно пройдешь проверку, – на полном серьезе заявил ему Игнат, когда он высказал свои соображения по этому поводу после второго сеанса. – Отбор доноров для Жемчужины проводился впервые много лет назад, я ещё пешком под стол ходил. Тогда не очень-то представляли, каким должен быть донор, какими навыками и способностями должен обладать. Выбирали людей с устойчивыми психическими параметрами, наблюдательных и обладающих навыками исследователя. Только многое оказалось не совсем нужным. Это примерно так, как было в первые годы космонавтики, когда в пилоты отбирали только летчиков, способных выдерживать огромные перегрузки, маленького роста для экономии веса и обладающих отменными физическими реакциями на резкое изменение окружающей обстановки. Потом, когда выяснили, что в космосе нужны не военные, способные быстро и без раз-

думий выполнять команды и слепо следовать инструкциям, а исследователи, способные проводить научные программы, думать и импровизировать при изменении условий работы, от этих жестких требований отказались. Единственное ограничение теперь к космонавтам – только по общему состоянию здоровья.

Так и у нас – в первую группу отбирали людей определенного типа, способных к анализу и обладающих хорошей памятью, с устойчивой психикой и обладающих навыками исследовательской работы. После начала работ с полученными данными требования к донорам изменились – набираем тех, кто наиболее подходит для работы с визуализацией информации, но не это главное. Нам нужны наблюдательные люди с фантазией, способные к сопереживанию, глубоко чувствующие чужие эмоции... Так что не говори: «Гоп!», пока не пройдешь все этапы проверки. И учти, что результаты будут оцениваться еще и целой группой экспертов, не только входящих в наш проект. Компьютер дает только статистику, а решение всегда остается за людьми.

Стану нравилось в институте, и с каждым посещением все больше. В лаборатории, где самым старшим по возрасту был Игнат, ему было тридцать восемь, со всеми он был на «ты» с первого дня. И это не было игрой или условностью, о которой в издательстве талдычил психолог: мол, обращение на «ты» между работниками снимает напряженность, которая у современного человека возникает в коллективе, где есть

люди разного возраста и служебного ранга... После некоторых раздумий Стан пришел к выводу, что такая атмосфера равенства и содружества, столь непривычная новичку, не возникла случайно, это создавалось намеренно, но ненавязчиво. Но вот было ли это как-то регламентировано правилами или было заложено в самой атмосфере института, он еще не разобрался, но склонялся в пользу второй гипотезы. Контраст между издательством, где он проводил день и институтом, который он посещал вечерами, вызывал возрастающее раздражение. И с каждым новым посещением института он все лучше осознавал причины своего недовольства и раздражения.

В издательстве он постоянно должен был помнить о том, что он служит хозяевам, должен зарабатывать деньги, а для этого должен угождать клиентам и, согласно правилам, забитым в его договор, стремиться выжать из них как можно больше денег. В лаборатории же он становился равноправным членом команды, стремящейся к общей цели, работающей не на «дядю», а для всей команды, а если задуматься, то и на все человечество, как бы наивно и патетически это не звучало. Он понимал, что СОЧ старается получить от своих проектов какую-то прибыль, но он был этому только рад, ведь деньги пойдут на расширение исследовательских работ, на поиск новых миров и новых разумов. То есть опять же на общую пользу. Все это заявлено в документах организации, входи в Сеть, заходи на сайт и читай. Черным по белому...

Ему imponировало, что СОЧ представляет собой организацию, объединяющую всех, кто стремится не просто заработать или добраться до власти, но и принести пользу обществу. Пусть это будет польза для маленькой группы людей, но она должна быть. Эта организация дает возможность работать в самых новых областях науки и техники, поддерживает все начинания, направленные на развитие, как отдельных сообществ, так и всего человечества. Принципы объединения были достаточно просты и приемлемы для любого человека, готового работать индивидуально или в команде на общее благо: открытость стремлений, желание принести пользу всем. Так, по крайней мере, он понял основные принципы организации, впервые прочитав Декларацию СОЧ. Уже после того, как согласился пройти проверку в институте. И мог бы узнать об этом раньше, если бы интересовался тем, что происходит в окружающем мире. И ведь слышал о СОЧ ещё в школе, когда школьников отправляли на профтестирование.

Он и сам прошел подобное тестирование и последовал рекомендациям специалистов городского центра профориентации, поступив после окончания школы в художественную Академию. Но только сейчас понял, что не обращал внимания на то, что тогда казалось обыденным. Ведь все школьники в городе могли пройти тестирование, бесплатное и полезное для будущего. Добровольно, конечно, но кто же откажется узнать, чем ему лучше всего заниматься по жизни?

Хотя были и такие, кто отказывался. Тогда он не интересовался, кто проводит тестирование. Все пошли, и он пошел. И вот – новая проверка, только сейчас более сложная и специализированная, даже во время учебы в Академии он не сталкивался с такими тестами. Но ведь и работа будет более ответственной, но он уже чувствовал, что справится.

– Слушай, Игнат, – стянув через час тестирования шлем и почесав вспотевший от напряжения затылок, обратился Стан к завлабу, просматривающему результаты на мониторе. – А нельзя ли мне посмотреть что-нибудь из того, что уже расшифровали по Жемчужине?

– Почему нет? – обернулся к нему через секунду Игнат с довольным видом. – Можно посмотреть, только тебе надо будет минут тридцать настраивать читающий шлем. Записи тогда делались примитивно, спектр эмоций был узким, объем инфы был небольшим. Сейчас техника помощнее и опыта у нас побольше, но стыковать старую технику с новой всегда проблемно. Уже поздно, если хочешь, сегодня настрой шлем, а завтра посмотришь. Я подберу что-нибудь.

– Отлично, – обрадовался Стан и, встав с кресла, с хрустом потянулся. – Только вот выпью кофейку. Замучили вы меня сегодня.

– Нет, лучше чайку выпей, – посоветовал Игнат. – А то потом всю ночь будешь ворочаться, не выспишься.

– Не-а, меня кофе бодрит на полчаса, потом опять спать захочу.

– Ладно. Гоша, – позвал лаборанта Игнат и, когда тот вынырнул из своего угла, отгороженного стойками с аппаратурой, с улыбкой кивнул на Стана. – Завтра наш кандидат желает посмотреть материал с Жемчужины, подбери что-нибудь, и четвертый шлем после настройки не трогай.

– Но там ведь ещё не всё оформлено, – недовольно скрипил губы Гоша. – У Лорки пока одни кусочки надерганы, а записи сдали для копирования в архивную базу. Через два дня только вернут.

– Хорошо, я сам подберу что-нибудь из Лоркиных записей, – успокоил его Игнат. – Ты прибери второй шлем и закругляйся, девять часов уже.

– Как скажешь, начальник, – пожал плечами Гоша, забрал со стола Стана шлем и снова скрылся в своем углу.

Стан подошел к кофейному автомату и выбрал двойной черный.

–4–

Стан, терпеливо ожидавший, пока наполнится кружка, вздрогнул, когда в спину ткнули чем-то твердым.

– Вот, кандидат, – протягивал ему золотистый шлем с цифрой «4» на макушке Гоша, подошедший сзади неслышно. – Смотри картинку, нам не жалко.

– О, черт, ты меня напугал! – и тут же, забыв об испуге, Стан придирчиво перевернул шлем – прокладка внутри была свежей. Все-таки Гоша лаборант отличный, понимает, что к чему. И сердиться на него было невозможно. Длинный и

тощий, с густой гривой каштановых волос и носом-пуговкой, обсыпанным веснушками, Гоша напоминал ему длинноногого и неловкого щенка борзой, хотя ему за тридцать перевалило. Способностей у него особых не было, интереса к науке тоже, но аккуратность и тщательное исполнение поручений делали его ценным сотрудником лаборатории. Да и айтишное образование делало его хорошим помощником для Игната, который постоянно что-то новенькое конструировал.

– Я тогда на первое кресло сяду, для разнообразия, – попросил Стан.

– Можно, – флегматично отозвался Гоша, уже развернувшийся в сторону своего угла. – Я сейчас вернусь, помогу подключиться. Только тормозну тестовую программку...

– Ну что, сегодня тоже неплохо получилось, – с удовольствием глотая кофе с молоком и жмурясь словно кот, наевшийся сметаны, заметил Игнат, развернувшись от монитора.

– Шестьдесят пять, это хорошо. Ты не расстраивайся, Стан. Средний балл – это не главное. Сегодня тебя гоняли по части памяти, а оценить такие способности непросто. Ольга будет довольна, когда увидит твой результат.

– Да-а? – с сомнением протянул Стан, но решил последовать совету и не огорчаться.

– Слушайте, а почему других кандидатов я не вижу? Каждому свое время назначено или нас специально не показывают друг другу? – решил он поинтересоваться. Ему действительно только сейчас это пришло в голову, и он с интересом

ожидал, что же ответит Игнат.

– А ты считаешь, что кандидатов так много, что они должны в очереди стоять, ожидая тестирования? – усмехнулся тот и, поставив опустевшую чашку на стол, развел руками.

– Нет, Стан, сейчас кроме тебя никого не проверяем. Если найдутся еще кандидаты в городе, то займемся ими без промедления. Но помимо нас отбором занимаются и региональные центры, а их в России почти три десятка. Если тебя интересует общее количество кандидатов, то спроси у Ольги, она завтра вернется из Питера. Я очно знаком только с пятью донорами, ещё четверо прошли проверку и готовы к работе.

– Обязательно спрошу, спасибо. И ещё хотел узнать, – бросив взгляд на Гошу, слушает ли он тоже, Стан всмотрелся в лицо Игната, стремясь уловить его первую реакцию. – Что потом будут делать прошедшие проверку?

– Как что? Работать, конечно, – удивился Игнат, но, заметив недовольно поджатые губы Стана, поинтересовался: – Ты о чем хочешь узнать? Становятся ли доноры нашими штатными сотрудниками и чем занимаются?

Стан кивнул, подтверждая, что именно это его интересует.

– В принципе – неважно, чем заниматься. – Игнат рассеянно пожал плечами, видимо для него это не являлось чем-то значимым. – Если у них есть желание работать с нами с самого начала, то – пожалуйста, зачисляем в штат. Если нет – продолжают заниматься своими прежними делами до по-

лучения первой порции информации. Вот тогда начинается основная работа, и донор либо переходит к нам, либо берет отпуск на основной работе, ведь расшифровка требует полной сосредоточенности и много времени. А сколько у донора займет времени расшифровка и запись на кристалл, не знаю. Главное, чтобы человек хотел работать. Для этого мы создаем все условия, никто не жалуется. А если донор хочет выйти из проекта, то всегда может вернуться на прежнюю работу, в этом отношении у нас всё оформляется юристами. Тебя что конкретно волнует, Стан? Насчет зарплаты можешь не беспокоиться, уровень у нас высокий.

– Да я так, просто подумал... – смутившись, отвел глаза Стан. Не станешь же говорить сейчас, до окончания проверки, что он подумывает о том, как было бы здорово устроиться на работу в институт. Но сейчас об этом он никому говорить не будет, пока не завершена проверка. Остался ещё один сеанс тестирования, чего заранее планы строить?

Но теперь Игнат смотрел на него выжидающе, и не ответить было нельзя.

– Интересно ведь, что меня ждет, если я пройду проверку, – промямлил растерявшийся Стан. И, чтобы сменить тему, снова спросил: – А если я..., ну, донор потом не смог заняться расшифровкой по каким-нибудь веским причинам? Что тогда делаете? Такое уже было?

– М-м-м. Было, – не сразу подтвердил Игнат и вздохнул. – Только два случая за последние десять лет. Один донор от-

казался, а второй донор... погиб. Несчастный случай. А человек был хороший.

– А почему первый отказался? – с жадным любопытством подался к нему Стан, но тот не стал вдаваться в подробности.

– По семейным обстоятельствам, переехал в другой город. А ты что, уже сейчас испытываешь какие-то сомнения? Тогда лучше сразу скажи, ведь запущенный процесс остановить будет невозможно, твой репликант будет жить долго, но кто его данные потом сможет качественно обработать?

– Нет, я так просто спросил, – соврал Стан, и поднялся, чтобы скрыть румянец на щеках. Только сейчас до него дошло, что положительный результат проверки будет означать принятие на себя большой ответственности. В издательстве твой заказ могут передать другому визину, если с тобой что-то случилось или ты понял, что не справишься. Здесь же выходит так, что информацию с далекой планеты кроме него расшифровать будет некому, или будет тяжело другим. И впервые в жизни сердце его сжала холодная рука страха. Не за себя, а за будущую работу.

–5–

Ольга привычно мотнула головой так, что длинные золотистые волосы, словно крылья, взметнулись за спиной, и присела на край его стола. Стан вновь ощутил в груди волнение, которое вызывала в нем эта женщина. Она не была красавицей, но широкоскулое, загорелое лицо с большими синими глазами притягивало взгляд, словно неразрешимая за-

гадка. Да ещё такие красивые волосы... Это поразило Стана в первую же встречу, он даже попытался воспроизвести этот эффект загадочности в небольшой зарисовке, но пока ничего не получалось.

– Я вижу, ты подаешь большие надежды, – улыбнулась она, перехватив его взгляд из-под шлема. – Будем надеяться, что твой приличный результат не оставит экспертов равнодушными.

– Я старался, – ухмыльнулся Стан. Последний этап тестирования пройден, судя по её настроению, неплохо.

– Только не обольщайся, – предупредила Ольга, и постучала по столу. – Эксперты разные бывают, но я тебя в обиду не дам.

Стан тоже постучал по столу костяшками пальцев, и они улыбнулись друг другу, словно сообщники.

– Будешь смотреть? – кивнула она в сторону открытого пенала с кристаллами, который ему сегодня вручил Игнат.

– Да, хочу посмотреть сами записи, – с некоторым вызовом ответил Стан, потупившись. – Надо же попытаться, попробовать. Вдруг я смогу что-то увидеть...

– И не только увидеть, – спокойно продолжила Ольга, не обращая внимания на вызов. – Я поначалу даже боялась смотреть записи с Жемчужины, думала – а смогу ли хоть что-то понять? Чужой мир, чужие глаза... И ничего не получилось, я ведь не визин, к сожалению.

– А Лоркины записи смотрела? – Стан и поднял на нее

глаза.

– Да, это мне под силу, – улыбнулась Ольга. – Она у нас самая упрямая, полгода уже работает над записями. Приходится силком выгонять из филиала института в Питере, она готова дневать и ночевать на работе. Совсем не умеет сдерживать себя, торопится облагодетельствовать человечество.

– Профи? – спросил Стан и торопливо добавил, заметив взметнувшиеся вопросительно брови: – Ну, кто она по профессии? Визин или так, свободный художник?

– Она раньше работала в Питерской студии, оформляла экскурсионные ролики по историческим местам. Значит, можно считать её профессионалом. А свободный художник – это что – те, кто нелегально визионированием занимается?

– Ну да, пишут то, что в голову взбредет. На любительском оборудовании, качество не фонтан, и многие без тормозов в голове. Потом продают из-под полы. В основном, всякую муть на потребу публики, но попадаются и классные штучки. Мне как-то попался «Заповедник гоблинов», по Саймаку. Очень хорошо сделано, не так, конечно, как у профи, монтаж слабоват и образы иногда невнятные. Но посмотреть было интересно.

– Понятно. Принеси кристалл посмотреть, если не жалко. А что касается Лорки... Давай-ка, сделаем так, – хитро прищурилась Ольга. – Ты сначала посмотри ее записи, потом выскажешь свои предположения – кто она по образованию. Вроде пари. Если угадаешь, я дам посмотреть свой любимый

кристалл. Если не угадаешь, я скажу, где она училась и как попала к нам. А ты принесешь мне «Заповедник». Лады?

– Еще одна проверка, да? Пари принимаю, – усмехнулся Стан и хлопнул по протянутой ладошке. Социолог, доктор наук и просто хороший руководитель, как говорит Игнат об Ольге. Она Игнату очень нравится и совсем не похожа на крыс из отдела ПС его издательства.

Стан покачал головой, отгоняя игривые мысли, которые у него появлялись сразу, едва Ольга оказывалась поблизости. Но с этим он ничего поделать не мог, это было на уровне подсознания. Эта женщина была старше лет на десять, и у нее был муж, которого она очень любила. Об этом его проинформировал Игнат, заметив в первый же день, каким взглядом он провожал Ольгу. Так что ему остаются только несбыточные мечты о подобной женщине, которые он даже воплотить в образы не может. Не получается, вот ведь беда!.. Стан тяжело вздохнул и аккуратно вытащил из пенала первый кристалл.

–6–

Зеркальная поверхность сомкнулась вверху, заходили по ней складки, переливаясь и искажая отражения подруг, спускавшихся вниз. Рыбная мелочь, словно свита, потянулась следом, вытягиваясь золотистым шлейфом за каждой из них. Аквамариновые заросли приближались, распускаясь тысячами розово-синих цветков, почувствовав их приближение; несколько диких собак поспешили убраться подальше в за-

росли, предостерегающе похрипывая и выпуская струйки оранжевых пузырьков. Вдали прогудел космач, выбиравшийся из нижнего уровня и требующий очистить ему дорогу.

Сегодня вода была теплее, чем ожидалось, видимо потоки с Разделяющего хребта оказались мощнее и за ночь добрались до города. Скользя между верхними ветками, она заметила внизу, у развилки ствола мелькнувшее серое пятнышко панциря и поспешила за ним, резким криком стараясь испугать моллюска и заставить его замереть. Он оказался среднего размера, таких надо десятков, чтобы наполнить заплечную сумку, тогда малышам хватит на обед.

Она сунула в щель панциря острие ножа, приоткрыла створки и вставила кусочек ветки, чтобы моллюск не дергался, сунула добычу в сумку и осмотрелась кругом. Голоса подруг раздавались поблизости и были полны азарта, видимо сегодня сбор будет удачным. Над головой проплыло, извиваясь, длинное пурпурное тело коровьего пастуха, справа зашвистели сторожевые собаки, почуявшие диких родичей, но пастух глухо гукнул, и они послушно отозвались, перегоняя на другое пастбище стадо молочных коров.

Деревья распускали цветки-приманки при её приближении, стараясь ухватить рыбную мелочь, плывущую следом. Впереди, между заросшими синим мхом скалами, мелькнуло что-то бледно-серое, и она с азартом бросилась туда, надеясь, что это на самом деле окажется то, о чем она даже

не мечтала сегодня – молодым кальмаром, решившим полакомиться свежими плодами огурцового дерева, раскинувшего свою густую крону над скалами. Но это оказалось лишь старым лоскутом кожи кальмара, застрявшим в расщелине. Каменный еж видно не успел доесть чьи-то останки и бросил, испугавшись шума. Надо поискать на среднем ярусе, там теплее, моллюски еще не успели спуститься вниз. Как это она сразу не сообразила...

Сняв шлем Стан с удивлением отметил, что просмотр шел сорок восемь минут. Ему показалось, что прошло не больше тридцати. Да, Лорка обладает даром создания образов, ей удалось передать и звуки, и ощущения окружающего мира во всей полноте. Обитатели Жемчужины напоминают тюленей, только более стройных, что ли. И эти руки... непривычно видеть перед собой перепончатые руки. Но какие глубокие, насыщенные цвета! Никогда бы не подумал, что под водой можно увидеть такое буйство красок, покачал он головой. Но вот насколько верно она определила ощущения? Такое необычное чувство по отношению к детенышам, словно внутри тебя горит огонек, ласковый и нежный... Ладно, он ведь не женщина, сравнивать такие ощущения ему не с чем. Жаль, не получается с просмотром оригинальных записей, девять кристаллов – и ни одного включения, хотя Игнат предупреждал о возможной несовместимости. Было бы здорово сравнить то, что он сам бы увидел с тем, что записала Лорка.

Надевая шлем, чтобы успеть посмотреть еще один фраг-

мент Лоркиной записи, Стан вспомнил о пари с Ольгой. Надо будет обязательно встретиться с Лоркой. У неё больше уклон на чувства, ощущения очень хорошо передаются. Но заметно, что она не училась на визина. Стиль записи другой, более свободный, что ли... Очень много поясняющих меток, и нет присущего визинам чувства времени, когда надо уложить в десяток минут целый сюжет. Лорка увлекается, ей хочется показать как можно больше подробностей, деталей и она много времени тратит на ввод новых понятий через метки. А зритель не любит длинных сюжетов. Может, она училась на художника? Вроде тех, кто по старинке рисует картины кистями и красками...

– Нет, Стан, не угадал, – звонко рассмеялась Ольга, запрокинув голову. – Давай еще раз!

– Ну, если не художник... Тогда актриса, наверняка! – по улыбкам собравшихся за столом Стан понял, что снова не угадал и нахмурился. Ему казалось, что они его разыгрывают, ведь после второго фрагмента у него появилась твердая уверенность, что Лорка натура артистическая, пусть и не визин по образованию. В этом он был твердо уверен. Слишком много свободы, нет ограничений по времени, упор делается на эмоции. Кто же еще может так хорошо передать такие ощущения, как вкус пищи или эмоциональную окраску беседы?

– Даже не знаю, что еще можно предположить. Может, музыкант? Нет? Но ведь и не балерина, а? Нет? Все, тогда сда-

юсь.

– Она закончила педагогический университет, работала сначала учителем в школе, потом продавщицей в салоне одежды! – сжалившись, раскрыла тайну Ольга. Стан недоверчиво посмотрел на Игната и Гошу, они с ухмылками покивали.

– Но... как вы ее нашли? Это ведь талант, настоящий талант! – все еще сомневаясь, протянул Стан. – В нашу Академию таких берут без экзаменов, как же она проскочила мимо центра профтестирования?

Ольга вздохнула, словно вспомнила что-то грустное.

– Она сама нашлась. Приехала девчонкой в Питер из глухой деревушки на Урале, где и компьютеров-то не видели. Устроилась на работу в детский садик, поступила в университет на дистанционку. Работала и училась, некогда было тестирование проходить. Начала работать в школе, но не поладила с директором и районным начальством. Потом подружка перетащила ее в элитный салон одежды. Там она за год поднялась до старшей продавщицы, клиенты были от нее без ума. Она ведь нутром понимала, видела лучше всякого дипломированного дизайнера, что им идёт, что нет. Хозяйка на неё едва не молилась... Но ей это было не интересно. По Сети вышла на сайт нашего института, потом пришла на тестирование и мы, когда получили результаты, чуть не обалдели. Сразу ее разыскали и предложили к нам пойти работать. Она ведь не сразу нам поверила, уже обжига-

лась с торгашами, которые её наперебой зазывали рекламу делать. Пришлось долго убеждать, Игнат тогда постарался. Лорка оказалась умницей, быстро освоилась со всем этим хозяйством, – Ольга кивнула в сторону мониторов и стоек с аппаратурой.

– Да, не было счастья, да несчастье помогло, – добавил после некоторого молчания Игнат и покачал головой, словно удивляясь причудам судьбы. – Девчонку дед воспитывал и учил всему, а когда помер, она в город подалась. Но всё-таки нашла свое призвание, хотя и не сразу.

– Точно, – отозвался Гоша и усмехнулся, почесав в затылке. – А то бы ходила и дальше по тайге, охотница...

– А, вспомнил, как получил от нее? – хихикнул Игнат, бросив быстрый взгляд на Ольгу, которая сразу озабоченно всмотрелась в Гошу.

Оказывается, и она не все знает о том, что происходит в лаборатории, удивленно отметил про себя Стан.

Гоша покосился на Игната и буркнул: – Я к ней не приставал, кто же знал, что у нее такая реакция.

– И рука тяжелая, хоть и женская. Да я это так, для общего сведения, – примирительно похлопал его по руке Игнат и пояснил Ольге, требовательно приподнявшей брови.

– Лорка полгода назад к нам приезжала. Примеряла как-то новый шлем, а Гоша решил настроить кресло, чтобы ей удобнее было сидеть, полез регулировать. А она решила, что он хочет поближе с ней познакомиться, и дала разок... Гоша

потом полдня лёд к уху прикладывал.

– Да ладно, – смутился Гоша. – Я сам виноват, не предупредил, что толькоотрегулирую кресло...

Стан усмехнулся, впервые увидев, как флегматичный Гоша краснеет.

– Что ж, надеюсь, урок пошел впрок, – сделала заключение Ольга и усмехнулась, бросив на Стана мимолетный взгляд, словно предупреждая.

Стан понял намек. Теперь он еще больше хотел познакомиться с такой интересной девушкой. Только бы она не была похожа на тех деревенских девчонок, что приезжают на выходные в город, стайками бродят по улицам в наушниках, лузгая семечки и поругивая матом парней, пристающих к ним.

–7–

– А откуда такое имя взялось?

– Это всё дед. Мать родила меня непонятно от кого, да через год в город сбежала, там и пропала. Вот он меня, безотцовщину, и окрестил. В церковь отнес, да и у попа справился, как назвать. А тот и брякнул с похмелья – Глафира... Вот и стала я Глафирой Генриховной, отчество тоже от дедушки досталось, – Лорка потрянула русой головой и улыбнулась невесело. – Только ему самому это имя не нравилось, пока живой был.

Стан вертел в руках свой золотистый шлем, чувствуя себя не в своей тарелке. Зря он спросил об этом, для неё это

должно быть не самые приятные воспоминания.

– Извини, – выдавил он из себя и удивленно покосился на нее, услышав добродушный смешок.

– Да ладно, чепуха все это. Не бери в голову. А дед у меня был самый лучший, и он меня всегда Лоркой звал. Глаша – это как-то не звучит, а Лорка – просто и со вкусом. Я ведь была шепутная, с пацанами больше пропадала. Вот и решила, когда паспорт получала сменить Глафиру на Лорку. Деда тогда уже в живых не было, царство ему небесное, как у нас бабки говорили. Но он бы не против был.

Лорка уже надела шлем и готова была погрузиться в свою работу, но Стан решился задать еще один вопрос, ради которого, он собственно и затеял этот разговор.

– Скажи, Лорка, а ты не боишься работать с этим?.. – он кивнул на пенал, в котором лежали кристаллы Жемчужины. – Я вот попробовал месяц назад, да только ничего не получилось.

– М-мм. Как тебе сказать... – Лорка посмотрела на него с некоторой досадой, мол, отвлекаешь от дела, но затем молча отодвинулась вместе с креслом от стола. Словно подальше от соблазна нажать кнопку и запустить программу.

– Поначалу я совсем не боялась. Когда с меня профиль снимали, пока тренировалась, было интересно и весело. А потом, когда начала представлять себе, что там, – Лорка закатила вверх глаза, и Стан невольно последовал за ней взглядом, но кроме потолка с точечными светильниками ничего

не увидел и с запозданием сообразил, что она имела в виду Жемчужину, – происходит... Вот тогда я занервничала, чуть не сбежала. Зонды ведь прислали видеозаписи, я их смотрела много раз. Эти бури, серые низкие облака и фиолето-черный океан с серыми шапками пены... Мне казалось – ну что хорошего может быть на такой планете, как можно постоянно жить в непроглядной глубине, куда не пробивается голубой свет? Среди жутких подводных страшилищ, да ещё рядом с вулканами? Тоска там одна, борьба за выживание. Так я думала...

– А потом? – напомнил Стан о себе, выводя Лорку из задумчивости, в которую она погрузилась.

– Потом? – она посмотрела на него недоуменно, пожала плечами и усмехнулась. – Потом мне Ольга сказала, что жемчужники видят все совсем по-другому, и я начала представлять, что они могут видеть, как... Доставала всех своими вопросами, наш планетолог в Питере, Иван Герасимович, заставлял меня изучать всё, что собрали о планете. Я начала бояться, что у меня ничего не получится. Я ведь физику-химию не люблю, душа не лежит к точным наукам. Ольга меня успокаивала, Игнат уговаривал, Гоша пылинки со шлема сдувал... Но все оказалось совсем не так, как я придумывала. Совсем не так, как на записях с земными гибридами, понимаешь?!

Стан кивнул, но говорить ничего не стал. Ему еще только предстояло возиться с учебными записями, подготовленны-

ми лабораторией биологического симбиоза и адаптации.

– Когда первый раз подключилась к проектору памяти, то боялась, что ничего не увижу. Наши психологи меня обработали, внушили уверенность... А после первого подключения, я поняла, что придется еще очень многому учиться. Нашему, земному. Ведь надо что-то иметь для сравнения, понимаешь? А я ведь почти ничего и не знала о том, что есть на Земле. Ведь я записываю информацию для людей, а их так много и все они разные.

Стан покачал головой из стороны в сторону, давая понять, что не очень-то понимает.

– Ну, к примеру, если ты не пробовал дыню, то когда там, на Жемчужине твоя... копия ест что-то похожее, ты не можешь... идентифицировать такой вкус. Понятно? Или со звуками та же проблема. Я ведь на море никогда до этого не была, под водой не плавала и не знала, что там так красиво. Вот и приходится мне теперь, много чего пробовать... Институт мне заказывает всякую экзотику, я сама стараюсь покупать то, чего раньше не ела, в лесу ведь выбор не такой богатый, как в городе. С аквалангом поплавала неделю на Черном море. Да и по чужим записям можно получить разные представления. А вот как быть с тем, что переживает та... особь, что живет в том мире? О чем она думает, чего хочет, о чем мечтает? Хорошо, что я... моя копия вместе с ней начала жить, учится всему заново. Я вместе с ней привыкаю к тому миру, постепенно. Это наши хорошо придумали. Если

бы мою копию поместили в теле взрослого, то я ничего бы не поняла. А так получается, что-то вроде ребенка, который еще ничего не понимает, но может постепенно во всем разобраться...

– Но чужие мысли и чувства ты же хорошо воспринимаешь. Я же смотрел твои записи, ты очень глубоко погружаешься ...

– Вот этого я тоже начала бояться. Хорошо, что Василий Аркадьевич мне рассказал, обо всех предположениях учебных и о том, как память записывают. Мне легче стало.

Лорка уже забыла о работе, стащила с головы шлем и поставила на стол, чтобы не мешал. Увлечшись, она поворачивалась вместе с креслом, то, замирая на мгновение, то начиная размахивать руками, словно дирижер, чтобы подобрать нужные слова.

– Я ведь посчитала сначала, что меня дураят, стараясь просто использовать, выжать побольше... А вдруг, думаю, эта тюлениха в память мою пробралась и в моих мозгах останется? Начнут у меня жабры расти, или хвост. Ученые только обрадуются такому, это мне понятно, такой уникальный будет случай. Я же кино смотрела, где что-то подобное было. Но биологи мне все разъяснили, насчет генов и прочего... Теперь я этого не боюсь, хотя иногда и мелькнет мыслишка, что полной-то уверенности в том, что на меня это не окажет влияния ни у кого ведь нет. Но я с Ольгой согласна – человек всегда меняется, когда узнает что-то новое. Внешне это

может и не заметно, но вот внутри... Может, мы друг друга лучше понимать будем, если сможем других понять? И вообще, я теперь воспринимаю эту... не свою копию, а саму жемчужницу, как эхо... Да, как эхо в лесу. Я ведь в тайге жила, знаю. Оно ведь только поначалу напугать может, а потом понимаешь – это всего лишь отголоски, звуки. Разве эхо может что-нибудь сделать тебе по-настоящему? Так и с Мариной, это я так свою жемчужницу называю, понимание получается. Ее мысли и чувства до меня словно эхо доносятся. Когда громко и отчетливо, а когда и не разберешь, будто в глухой чащобе. Вот скоро вторая записи со второго гибрида придет, тогда я больше понимать стану, мы ведь вместе с ней растем, развиваемся...

Стан смотрел на нее, вспоминал просмотренные фрагменты, свои ощущения ... и внезапно, с удивлением понял, что завидует ей. Как мальчишка, увидевший своего друга на новеньком велосипеде. Сверкают спицы и руль, поскрипывает кожа седла... и тебе тоже хочется, чтобы – ветер в лицо и дорога за горизонт...

–8–

С распечаткой в руках Стан поднялся на третий этаж и нажал кнопку на табло. Дверь скользнула в стену, открывая дорогу в кабинет.

– Здравствуйте, – Стан нерешительно застыл на пороге: в кабинете оказалось полно народу, судя по всему, шло бурное обсуждение. Стоящий к нему спиной мужчина с седым

затылком и в клетчатом костюме продолжал чеканить слова: – ... месяца на клонирование. Неделя на высадку. Неделя на адаптацию. Две недели поисков места randеву. Три месяца собираем информацию. Снятие информации, проверка и кодирование – еще неделя. Четыре цикла – вот вам и год прошел.

– Прекрасно, только ты уверен, что все будет так гладко? Особенно после высадки? – спросил кто-то, сидящий в одном из кресел. Стан видел только его темный затылок над спинкой.

– Нет, вы совсем не думаете о возможности дублирования! – возмутился другой незнакомый голос. – Посмотрите на станцию!..

Стан начал разворачиваться, чтобы уйти, но клетчатый шагнул в сторону и открыл Василия, сидевшего за столом, над которым светилась голограмма какого-то сложного сооружения. Наверное, это и была станция, о которой они говорили, решил Стан.

– Проходи, – приветливо махнул рукой из-за стола Василий, заметивший Стана и тогда остальные, их оказалось четверо, обратили на него внимание. Клетчатый обернулся и недовольно посмотрел на Стана, почувствовавшего себя неуютно под этим взглядом, но отступать уже было поздно.

Никого из присутствующих он не знал, поэтому буркнул «Здравствуйте» и быстро прошел к столу, не глядя по сторонам, протянул распечатку.

– Игнат сказал зайти к вам...

– Ага, – бросив мимолетный взгляд на распечатку, Василий встал и протянул ему руку: – Поздравляю, Станислав. Сегодня же оформим твое зачисление в штат.

– Спасибо, – пожимая руку, буркнул Стан, чувствуя спиной чужие взгляды и испытывая только одно желание: побыстрее убраться отсюда. Не вовремя он зашел, надо было уйти, пока его не заметили. Но Василий вышел из-за стола и, взяв его за локоть, повернул лицом к остальным присутствующим.

– Прошу познакомиться. Это наш новый сотрудник, Станислав Вязов. Прошу любить и жаловать. А это наши главные специалисты по проекту «Поиск», Станислав. Знакомься, с ними тебе придется много и хорошо поработать.

Стан пожимал руки и старался запомнить имена, которые называл Василий. Ему все еще казалось, что он здесь лишний, но Василий снова удержал его за руку, когда процедура представления окончилась.

– Вот эти люди отправят твою память к Хризолиту, а потом будут отвечать за возвращение записей памяти. Свое дело они знают, опыт имеется. Надо, чтобы вы друг друга поближе узнали, тогда и работать будет интереснее. – Василий говорил, обращаясь ко всем присутствующим в кабинете, и все воспринимали его слова с серьезными лицами. Очевидно, эти люди знали, что стоит за этими словами. Теперь это начинал понимать и Стан. Он стоял в окружении новых кол-

лег напротив окна, за которым так же, как и три месяца назад, виднелись конструкции антенн, только теперь они стали для него уже привычными, будто родными. Именно сюда будет поступать информация с Хризолита для кристаллов памяти.

Не сегодня, через полгода, говорил Василий. И специалисты проекта согласно кивали, а Стан поглядывал на них, смущенно улыбался, слушал и не слышал их отдаляющиеся голоса. Он смотрел за окно с чувством облегчения, словно встретившись сегодня с этими людьми, он снял с себя часть тяжкого бремени. Разделил ответственность, подумалось ему. Теперь он не один, а ведь до последнего мгновения испытывал сомнения. Теперь обратного хода нет, да он уже и не желал возвращаться. Работа в издательстве теперь казалась ему мышшиной возней, а рекламные ролики – глупой чепухой, бабочки-однодневки, вот чем были его заказы.

В лаборатории его ожидал накрытый стол с большим тортом и счастливые лица новых друзей. Лорка первой поздравила его и чмокнула в щеку, Ольга пожала ему руку последней, подмигнув: «Понедельник начинается в субботу, а?»

Стан растерянно кивнул, решив, что она подразумевает то, что его официальное назначение будет проведено несколько позднее, но он может считать себя своим уже сегодня.

Его усадили за стол, и Лорка тут же принялась вспоминать, как отмечали ее приход в институт. Рассказывала она

сбивчиво, широко раскрывая глаза и хватаясь за коротко остриженную голову обеими руками в самые драматические, по ее мнению, моменты.

– Да, это было нечто, – заметил многозначительно Гоша, когда она прервалась на секунду, чтобы глотнуть чая.

– А что такого? С кем не бывает оплошностей за столом, – тут же вступилась за зардевшуюся Клариссу, Ольга и погрозила ему пальцем. – Ты тоже порой ведешь себя неадекватно, Гоша. Вспомни хотя бы день рождения Игната, когда ты упорно пытался вручить ему свой подарок...

Игнат расхохотался, видно тогда произошло что-то неординарное.

– Но ведь я не виноват, что тогда под дождь попал, – сразу стушевался Гоша и, опустив голову, принялся ковырять ложечкой свой кусок торта.

Стан не знал еще, о чем они говорят, но это его совсем не огорчало. Теперь он на равных вошел в эту дружную команду и со временем узнает о каждом много интересного. Как и они о нем.

– Ладно, давайте-ка, отметим пополнение наших рядов! – провозгласил, отсмеявшись, Игнат и поднял свою кружку с белым вином.

– Правильно, – поддержала его Ольга и Стан, приподнявшись, благодарно кивнул всем.

Что ж, теперь, как сотрудник проекта он имеет право предложить то, над чем размышлял весь прошлый вечер

и половину ночи, ворочаясь в темноте. Может, его первое предложение и будет наивным, но в том, что его не отвергнут с хода – в этом он был уверен.

– Знаешь, а мне твоя идея очень нравится, – первой нарушила молчание Ольга и улыбнулась так, что у Стана екнуло внутри. – Вот что значит опыт работы в коммерческой структуре. А то мы все больше увлечены идеями, а надо ведь и практическую выгоду не упускать из вида. Может быть и правда, знакомство с новым миром для землян лучше начать именно таким образом. Показать новый мир новыми глазами...

– М-мм, действительно. Практическая сторона у нас как-то слабо отрабатывается, – собрал морщины на лбу Игнат. – Отстает от научных достижений, о которых большинство людей и понятия не имеют. Предполагалось сделать несколько видовых фильмов, но в твоём предложении есть большой смысл. Экономистов нам надо подключать, Ольга. Пусть прикинут, какой можно тираж запустить. Молодец, Стан, с фильмом ты хорошо придумал.

– Но погодите, это же надо будет наши записи переделывать? – заволновалась Лорка. – Кто будет этим заниматься? Я ведь не умею. И другие доноры...

– Ну, правильно. Ведь у нас теперь есть такой спец! – ответил ей Гоша, кивая на Стана и заговорщицки ему подмигивая. Потом мечтательно закатил глаза. – Какой можно ужастик сделать! Или какую-нибудь мелодраму, а можно ведь и

экшн соорудить, да Стан?!

– Погодите, какой ужастик, какой экшн? – Лорка уставилась на Стана, постепенно на лице ее начало проступать понимание. – Ага, значит можно... Ну да, я ведь тоже думала...

И тут все оживленно загомонили, перебивая друг друга, а Стан медленно перевел дух и подумал, что теперь-то он точно больше никогда не будет заниматься рекламой. Разве что подготовит несколько минутных роликов для новых фильмов. И Евгений Харитонович не станет отказывать в помощи, производство и тиражирование – его хлеб. Поможет, он ведь тоже романтик в душе, хотя и старается скрыть это от окружающих. Может, он и сам хотел бы заняться такой работой...

Глядя на возбужденные лица вокруг, Стан понял, что теперь он по своей воле никуда отсюда не уйдет. Работа уже началась, все забыли о поводе, который собрал их за одним столом. Они уже принялись придумывать сценарии, перебивая друг друга. Его предложение собрать все записи с Жемчужины и за месяц-другой сделать пару хороших фильмов с настоящими чудовищами и совершенно новыми героями и персонажами, о которых на Земле еще никто и не знает, кроме маленького коллектива доноров и ученых, увлекло всех. И почему никто до этого не додумался раньше? Как и говорил Василий, им действительно полезен новый взгляд, открывающий новые перспективы их работы. И он с этим вполне справится, до прибытия капсулы с Хризолита у него будет

почти год. Вот и сбылась твоя мечта, Стан. Успех тут обеспечен стопроцентно, уж в этом он теперь не сомневался. Начинаем работать?!

-9-

...Он подергал носом, улавливая идущие из пещеры запахи и, поскуливая, неуклюже переваливаясь, пополз к узкому входу-расщелине. Первые лучи солнца осветили верхушки скал, и он инстинктивно заторопился, зная, что скоро здесь станет жарко, песок начнет обжигать и слепить. Надо быстрее укрыться в тени и прохладе, там, в пещере. Там его ждет тепло, еда и безопасность. В синем небе плавали черные точки, но он не обращал на них внимания, торопясь добраться до входа.

Заметив, что вокруг внезапно потемнело, он инстинктивно рванулся вперед, стремясь проскочить в безопасную щель. Что-то больно впилося ему в спину, крепко схватило и потащило вверх, взметая вокруг пыль и песок. Что-то опасное клекотало, шелкало и обдавало его порывами воздуха. Он верещал, пронзительно и отчаянно, понимая, что это конец. Мелькнул в последний раз синий кусочек неба, растопыренное веером крыло, серое с белой каймой, поднялось вверх, и на него обрушилась глухая темнота...

С бешено бьющимся сердцем Стан сорвал с себя золотистый шлем, только начиная осознавать, что он находится в безопасности, ничто ему здесь, в лаборатории, не угрожает. Все осталось там, далеко на рыжей планете, покрытой пес-

ками...

– Ничего, Стан, все нормально, – только сейчас дошло до него то, что говорила Ольга, сидящая рядом с ним, сбоку у стола и смотревшая на него с беспокойством. Она медленно протянула к нему руку.

– Все хорошо, не волнуйся. Поначалу всем трудно, ты освоишься.

– И что...дальше? – непонятно, кого спросил он. Ему было страшно надевать шлем, совершенно не хотелось почувствовать агонию и боль, которая уже ждала его. Или это там, на Хризолите она ждала его? Он поставил шлем на стол и только теперь заметил, что пальцы его дрожат мелкой дрожью. Он сжал кулаки, впился ногтями в ладони. Ольге незачем видеть его страх. Но что же произошло там?.. Судя по всему, на него с неба свалился то ли орел, то ли другой пернатый хищник. Надо же, как не повезло!.. Только попал на планету и на тебе, в первый же выход наружу из гостеприимной пещеры оказался в чужих когтях... Не надо было задерживаться, когда группа таких же, как он, малышей уходила домой. А ведь казалось, что все будет хорошо.

– Стан, посмотри на меня! – снова услышал он Ольгу, только теперь в ее голосе была требовательность, и он подчинился, поднимая глаза.

– Смотри на меня! Все хорошо, Стан, ты глубоко вдыхаешь, задерживаешь воздух в себе и медленно выдыхаешь, так, молодец... Давай еще раз, еще... вот и отлично. На се-

годня хватит, я думаю. Ты слишком глубоко вошел в роль, что там случилось?

– Ф-фу, черт, – с усилием распрямляя судорожно сжатые пальцы, он откинулся на спинку кресла, сразу почувствовав, что рубашка прилипла к мокрой спине. – Ну и напугался же я!

– Да ничего страшного, завтра будет легче, – улыбнулась успокаивающе Ольга. – Первый раз всем страшновато, все же чужой, необычный мир...

Стан молча поморщился: она ведь ничего не знает. Она ведь не знает, что это конец... Или не конец? Ах, черт, как же он не сообразил сразу?! Если запись есть, то не с погибшего же? Значит, он остался жив, этот его абориген... Но все равно, страшновато снова надевать шлем. Кто знает, что его ждет впереди? Кто-то спас его, может, те стражи, что дежурят у входа в пещеру? Но как ему не хочется испытывать боль, мучения...

– Завтра продолжим, ладно? – снова улыбнулась ему Ольга, но в глазах ее была тревога.

– Нет, – буркнул Стан и натянул шлем. Если он сейчас не продолжит, то завтра будет еще труднее. – Сейчас. Я уже в порядке. Поехали...

Апрель, 2005

Банкосы

– Знаешь, мы тебя отправим к технарям, пусть решат, куда тебя пристроить. Резюмехвати, – румяная, словно налитое яблочко, сотрудница отдела кадров вернула Исмаилу файл с распечатанным листом и, выведя в коридор, объяснила, как попасть в ДИТ. Банковские коридоры были пустынные, за закрытыми дверями шла таинственная банковская жизнь, в которую новоиспеченному молодому специалисту предстояло окунуться.

Директор департамента информационных технологий столкнулся с Исмаилом в дверях своего кабинета и, узнав, зачем тот пожаловал и как его зовут, представился и, посетовав на занятость, увлек за собой по коридору.

– Нам предстоит много работы, – на ходу давал директор идущему рядом Исмаилу пояснения, – банк расширяется и специалистов не хватает. Катастрофически. С этим надо как-то бороться, хоть самому на улицу выходить – людей искать. У нас сейчас начинается обновление техники, программное обеспечение тоже будет меняться. Больше всего нужны люди в техподдержку, чтобы ставить и настраивать технику и ПО. Не только здесь, в офисе, но и по филиалам.

– Но я – то специалист по внедрению и поддержке аналитических систем, – попытался вклиниться в размеренный монолог директора Исмаил, после того, как они вышли из тре-

тьего по счету кабинета. Но директор отмахнулся от этих возражений, как от надоедливой мухи.

– Хороший специалист должен с любой работой справляться, – назидательно ткнул он указательным пальцем вверх и отправился дальше.

Заходя в кабинеты, он здоровался с присутствующими и задавал вопросы, на которые сотрудники пытались ответить, кто сразу, а кто – после некоторой задержки, словно вспоминая, о чем идет речь. Ответы сотрудников директора как будто особенно не интересовали, так как он с озабоченным видом разворачивался и направлялся к выходу, не дослушав. Иногда ответы достигали его уже в коридоре, и он отвечал на ходу, совершенно не заботясь, услышат ли его. Так они пробежались по всему этажу и вернулись к кабинету директора. Исмаил уже забыл, зачем он пришёл. Но об этом не забыл директор.

– Значит, ты у нас склонность к аналитике проявляешь, – усадив его за гостевой стол, директор занял кресло за широким столом, заваленным бумагами и поелозил мышкой по столу, пробуждая компьютер. – Тогда я тебя сейчас определю...

Директор, подавшись вперед, вглядывался в экран монитора, а Исмаил рассматривал корешки книг, стоящих в застекленном шкафу. Всё это были книги по ИТ: проблемы, решения, системы... В основном, переводные издания. Но среди них затесались две книги по бизнес-процессам и спра-

вочник по телекоммуникациям. Интересно, а какие из них директор на самом деле читал, задумался Исмаил, скорее всего те, что выглядят более потрепанными. Но он ведь мог и не один пользоваться книгами, может, эти книги предназначены для общего пользования, тогда потрепанность не доказывает, что именно директор ими пользовался.

– В новый отдел, – жизнерадостно сообщил директор, откинулся на спинку кресла, потянулся и ухмыльнулся словно кот, объевшийся сметаны. – Назовем его... отделом документооборота и обеспечения.

– И кем я там буду? – вяло поинтересовался Исмаил. У него уже появились сомнения в том, что ему понравится работать здесь, в этом банке. Слишком уж несерьезным казался директор, каким-то поверхностным, словно жук-плавунец. Вот, собирается назначить каким-то делопроизводителем, сиди потом до пенсии среди бумаг, а он дальше себе по водной глади скользить будет, из кабинета в кабинет шагать...

– Начальником будешь. Две ставки я тебе дам, на одну ставку у меня уже есть кандидатура. А на вторую ты сам подберешь человека через месяц. Оформляйся в кадрах и приступай.

– Но я ведь не знаю, чем там заниматься надо, – начал было возражать Исмаил, но директор уже вновь преисполнился энергией. Расписавшись на резюме, так им и не прочитанное, он едва не вытолкнул оторопевшего Исмаила в коридор,

направляя в отдел кадров.

– Главное, это желание работать, остальное приложится. Начнем с шестисот зеленых, за год ставку можно будет удвоить, – после такого напутствия Исмаилу оставалось только молча проследовать на оформление. Он-то рассчитывал на пятьсот баксов, о большем и не мечтал. Раз ему предлагают больше, так, может не стоит спорить, да и работа может оказаться интересной?

К работе Исмаил смог приступить только через неделю – пришлось ждать, пока банковская служба безопасности проверит его данные, да и собрать необходимые справки оказалось не таким простым делом, пришлось бегать по городу и стоять в очередях. В психоневрологическом диспансере за справку взяли полтора бакса, в наркологическом центре – два. Вся проверка заключалась в том, что брали удостоверение личности соискателя справки и искали схожую фамилию в толстых конторских книгах заполненных от руки. Не найдя, выдавали серую бумажку с печатью заведения и штампом: «На учете не состоит».

– Вот смехота, – заявил стоящий в молчаливой очереди мужчина средних лет с трясущимися пальцами. – А если кто вчера начал бухать или наркоманить, и у него завтра крыша поедет? Он на учете не состоит, и состоять не будет, пока кого-нибудь не угробит или в больницу не угодит. Вот тогда его сюда привезут на регистрацию, а так-то все чистенькие...

– Ты давай, братан, притухни, – посоветовали из очере-

ди, – пока тебя самого не зафиксировали.

– Да кому я тут нужен? – протягивая удостоверение и деньги в окошко, с кривой ухмылкой пробурчал мужчина. И, получив справку, презрительно сплюнул: – Без бумажки таракашка, а с бумажкой- человек.

Первый день Исмаила прошел в неспешных хлопотах: директор привел его в отдел поддержки банковской системы, представил двум женщинам и двум парням и оставил устраиваться за свободным столом у окна. Исмаил узнал, как зовут обитателей комнаты, ответил на несколько вежливых вопросов и, почувствовав, что интереса у присутствующих не вызывает, решил не мешать людям работать и стал смотреть в окно. За окном был двор, заставленный машинами, изредка по двору проходили люди, да десяток голубей топтался у небольшой лужицы. За спиной слабый шум компьютерных вентиляторов изредка прерывался телефонными звонками, недолгими разговорами о каких-то проблемах и последующими шелчками клавиш. Пару раз начинал шуметь электрический чайник, Исмаила напоили чаем из чужой кружки с цветочками, от конфет и печенья он отказался.

К обеду угрюмый парень из отдела техподдержки притащил для него новый комп, подключил и настроил сеть, записал на бумажке входные пароли и, пробурчав что-то неразборчивое про инструктаж, ушёл. Без пятнадцати час присутствующие в комнате разом оживились, женщины пошли обедать, пригласив и Исмаила, но он вежливо отказался. Ему

надоело сидеть без дела, да и есть не хотелось. Парни же быстро достали из-под столов пакеты с едой и несколько минут шумно сопели, стучали ложками по стеклу и обменивались невнятными репликами, обсуждая предстоящую битву. Исмаил догадался, что они говорят о сетевой игре и перестал прислушиваться. Настроил экран монитора под себя (яркость и контрастность побольше, тона потеплее), просмотрел, что из программ стоит на компе и убедившись, что помимо стандартного офисного пакета ничего нет, решил самостоятельно установить привычные Фотошоп и ПРОМТ. Вдруг пригодятся в работе с документами. Потом просмотрел свойства самого компьютера и убедился, что характеристики процессора средненькие, видеокарты нет, а памяти не хватит на что-нибудь серьезное. В общем, обычный офисный набор. На сетевом диске обнаружил несколько папок с дистрибутивами и программами, нашел и папку с документацией по банковской системе и решил посмотреть, с чем тут работают. Когда с обеденного перерыва вернулись женщины, парни, весь обед дружно убивающие кого-то в сетевой стрелялке, перестали орать и материться, стянули наушники с микрофонами и отправились покурить, возбужденно обсуждая игру. Исмаил, следуя найденной инструкции пользователя банковской системы, заблокировал комп и отправился к руководству за указаниями.

– Познакомьтесь, наш новый сотрудник, – представил директор Исмаила собравшимся руководителям отделов де-

партамента ИТ. – Начальник отдела документооборота, теперь со всеми вопросами по договорам и документам прошу обращаться к нему. Надеемся, что теперь хоть какой-то порядок с бумагами будет наведен. Оч-чень рассчитываем.

– Постараюсь, – отозвался Исмаил, чувствуя, что краснеет под взглядами коллег. Директор коротко представил ему присутствующих и перешел к обсуждению текущих вопросов. И здесь манера директора не дослушивать подчиненных до конца, перебивать и отвечать на вопросы с задержкой вновь позабавила Исмаила, остальные воспринимали это спокойно, наверное, уже привыкли. Через полчаса совещание закончилось, Исмаил получил от директора три папки со старыми и новыми договорами, от других начальников – обещание передать ещё по парочке завалывшихся в столах договоров и отправился к себе, стараясь не перепутать имена сотрудников и названия управлений, с которыми ему теперь предстояло контактировать. В комнате, едва сгрузив папки на свой стол, вытянул из лотка принтера несколько чистых листов бумаги и принялся записывать то, что успел запомнить. Конечно, была справочная система банка, где были и названия подразделений, и имена сотрудников. Не было только фотографий, а ему не хотелось путаться в именах, встретив в коридорах банка одного из тех, с кем успел познакомиться.

Просмотрев первый взятый наугад новый договор, оказавшийся договором на годовую техническую поддержку ин-

формационной системы банка, Исмаил подивился большому количеству орфографических ошибок и корявости предложений. Найдя в справочной системе банка телефон директора, Исмаил поинтересовался, где хранятся файлы с электронными копиями договоров. Оказалось, что часть есть у директора, а где остальные – придется выяснять самому. Спрашивать надо тех, кто занимался этими договорами. Исмаил несколько опешил от такого заворота, ведь в самих договорах кроме наименования банка и его руководителя не было никаких других сведений о том, для какого подразделения закупалась техника или программное обеспечение. Скорее всего, директор не хочет утруждать себя воспоминаниями. Ладно, можно начать поиски самому, а по ходу можно будет выяснить, для кого эти договора составлялись, ведь не сам директор ДИТ, а уж тем более, не председатель правления, чья подпись была почти на всех, их печатали. Ожидая, пока директор по сети перебросит файлы, принялся выбирать из справочной системы тех, кто мог иметь дело с договорами, решив разделить их по тематике, близкой к наименованиям управлений.

– Договора надо будет согласовать с нашими юристами, финансистами и бухгалтерией. Прохождение договоров по всем кабинетам возлагается на вас. В помощники себе ищите человека, а новенькую вашу сотрудницу я буду контролировать сам. Надо навести порядок с протоколами заседаний комитетов, много бумаг приходит из канцелярии, и я не

успеваю со всеми разобрататься, – директор ДИТ указал трясущимся пальцем на заваленный бумагами стол и, словно застеснявшись такого проявления похмелья, сунул обе руки под стол и уставился на экран монитора. – Раньше у нас этим одна девочка занималась, она какая-то неприкаянная, но вроде бы решила приткнуться в отдел сопровождения системы. Посоветуйтесь с ней, если надо будет, и я что-то подскажу. Хорошо?

– Но я ведь не знаю, что надо включать в договор, что не надо. По содержанию – только специалисты знают, что надо в договор включать, а по форме больше всех юристы должны знать. – Исмаил смотрел на директора и видел, что тот чувствует себя неважно, на лбу выступила испарина. Действительно, для некоторых понедельник был на самом деле тяжёлым днем. Но ему хотелось добиться определенности, знать, что именно он должен делать и с кем сотрудничать. Незачем бегать по каждому мелкому поводу к директору за советом, ожидая у двери, пока закончатся какие-то совещания-заседания или рыскать по всему ДИТ, вылавливая его в чужих кабинетах.

– Вот для этого я тебя и взял, Исмаил. Парень ты технически грамотный, вон как текст хорошо пригладил. И законодательство тебе знакомо, а с нашими спецами поговорить можно, только они ведь узкие спецы, только свое направление и знают. А ты должен смотреть шире и доводить договора до логического завершения. Наши партнеры должны по-

лучать подписанные договора вовремя. Хорошо?

– Я попробую, – вздохнув, отозвался Исмаил и отправился в Юридический департамент. Сладко директор пел, да только ему приходилось бегать за узколобыми спецами, вытягивая из них нужную информацию по договорам, да ещё с юристами постоянно спорить, никак не желают они себя утруждать правкой текста.

Начало было положено и за месяц через него прошло шесть договоров. Самых разных, от закупки новых серверов до договора о создании нового программного модуля для БИК – банковской информационной системы. Теперь весь родной департамент, с подачи директора, старался сбросить на него все бумажные дела. Письма и внутренние документы, акты и счета шли бесконечным потоком, словно прорвало где-то плотину. Техподы и сетевики сваливали на него оформление документов для бухгалтерии, связисты хотели переложить на него получение техники, бухгалтерия теперь по всякому пустяковому поводу обращалась к нему...

Исмаил поначалу вежливо старался объяснить коллегам, что в его обязанности вовсе не входит исполнение чужих обязанностей, своих забот хватает.

– Целыми днями сидите в креслах, протирая глазами дырки в мониторах, – пытался урезонить он коллег из отдела техподдержки. – Словно механические куклы сидите и ждёте звонка, чтобы отправиться на ремонт, вместо того, чтобы провести профилактику принтеров, поставить на учет все

стандартные неполадки с компами и по базе ошибок сделать базу рекомендаций для всех пользователей. Такое ведь давно уже практикуется, а вы сидите за игрушками и каждый раз начинаете ломать голову над тем, что ломается в тысячный раз...

И получал в ответ стандартный ответ: – А нам это надо? Возьми да сделай.

– Постоянно заказываете и меняете одни сервера на другие, а записать серийный номер и комплектность – лень, – пенял он сетевикам, – как потом бухи будут выяснять, что стоит в стойке, если внешне все блоки похожи, да и номера можно разглядеть только до установки блока в стойку? Самим же удобнее было бы иметь список всего оборудования, чтобы не гадать каждый год во время инвентаризации, где что стоит. Неужели так трудно себе же жизнь облегчить, немного изменив устаканенный порядок? Вам нравится считать себя администраторами-богами, раздавая пароли и давая права доступа к программам и дискам по команде сверху, а на самом-то деле исполняете роль контактных реле, удовлетворенно пощелкивая контактами после вечернего сугрева. А пройтись по серверным комнатам, проверить состояние ИБП и кондиционеров, да просто прибраться, вам лень. Лучше будете шариться по Сети в поисках «клубнички» или безмозгло стрелять техподов в обеденное время.

– За питание отвечают электрики, пусть и беспокоятся. А то кроме замены лампочек больше ничего делать не умеют.

А номера пусть бухи или техподы переписывают, они инвентаризацию проводят и старье списывают, им и беспокоиться, – отмахивались сетевики. – В серверных ещё и телефонисты своё оборудование ставят, вот пусть они там пыль протирают.

Исмаил никак не хотел принимать то, что окружающим казалось нормальным: на рабочем месте нужно выполнять минимальный набор обязанностей, не отклоняясь от принятых неписанных правил. И ни в коем случае не утруждать себя поиском новых забот и хлопот, а все нововведения воспринимать лишь как повод потребовать прибавки к жалованию.

– Не банк, а болото какое-то. Даже в роботизированных цехах автомобильных заводов, что так любят показывать по телевизору, веселее. Там все действуют слаженно, и никто из роботов не кивает на соседа, если свою работу не сделал, – в сердцах говорил он соседям по комнате и те легко соглашались, не принимая сказанное на свой счет. На неделю-другую коллеги оставляли его в покое, но едва возникали проблемы, снова наваливались с молчаливого согласия руководства.

– А зачем же тебя взяли? – хихикали начальники отделов, когда Исмаил в открытую возмущался тем, что на него перекладывают чужую работу. У некоторых хватало наглости заявлять, словно в угаре абсурда, и такую несурязицу: – Если ты не хочешь работать, мы можем поработать за тебя, только пусть нам часть твоей зарплаты дают, даром мы даже воздух

портить не станем.

Исмаил пару раз пытался прояснить ситуацию с самим директором, только тот и слушать ничего не хотел. Его устроило, что теперь есть на кого положиться и с кого можно спросить, кто будет доводить порученное дело до конца самостоятельно, вступая в споры с работниками других департаментов и доказывая правоту ДИТ там, где это требовалось.

– Ну что же делать, – утешал директор, когда вконец измотанный Исмаил предложил передать ему часть сотрудников из других отделов вместе с переданными обязанностями. – Кто, кроме тебя может справиться с этой работой? Ты умеешь выстроить алгоритм работы, выявить главные функции и описать их. Вон как здорово расписал, чем должен заниматься твой отдел. Ищи помощника в отдел, если надо – двух. Ставка есть, другую возьмем у техподов, раз они на тебя свалили свою работу. Резюме кандидатов я тебе давал, отдел кадров может ещё подбросить. Только обратно передавать эти бумажные дела в отделы нельзя, совсем развалится система учета.

Только из тех кандидатов, что предлагал отдел кадров выбора не было: нужен был человек широко образованный, технически и экономически грамотный, знакомый с юриспруденцией и к тому же исполнительный... Где такого универсала найти в наш век узкой специализации, да ещё на зарплату в триста баксов никто не знал. Губа у банковских работников на зарплату была хорошо раскатана, в других от-

раслях за такие деньги можно было нанять опытного строителя или водителя. Отдел кадров предлагал девочек после школы или мальчиков после технического ВУЗа, не умеющих даже резюме без ошибок написать, зато согласных начать с пятисот...

Директор сам привел ему помощницу, на которую Исмаил смог переложить только часть работы с документами, не требующей умственных усилий, но отнимающей много времени на беготню по этажам здания банка. Девочка училась на вечернем факультете технико-экономического университета, ничего ещё не знала, но умела печатать, пусть и с ошибками. Эта малограмотность, впрочем, была присуща подавляющему большинству сотрудников банка, от кассиров до директоров, работающих с документами. Департамент по работе с персоналом не обращал на такие мелочи внимания, видимо у них ценились другие критерии отбора сотрудников.

Скоро выяснилось, что оформлять получение банковской техники от поставщиков также придется ему, в том числе и на таможне. Раньше этим занимался кто попало, поэтому директор ДИТ привычно выразил надежду, что Исмаил с этим прекрасно справится.

Технику банк покупал у производителей из разных стран, Исмаил сам оформлял один договор на поставку банкоматов из Германии и порядком намучался, согласовывая текст с банковскими юристами. Им обязательно хотелось вста-

вить такие требования, которые могли полностью обезопасить банк от всевозможных рисков, но при этом игнорировались все подобные требования и условия поставщиков. Исмаил пытался объяснить начальнику управления по экспертизе договоров, что такой договор поставщик не подписывает, но через несколько минут общения начинал чувствовать себя идиотом, пытающимся пробить 3-х метровую бетонную стену голыми руками.

– Если банкоматы не поставят вовремя или сорвут поставки, кто будет отвечать, вы? – вопрошали его юристы. – Из чьего кармана будут выплачиваться судебные издержки, из вашего?

И все его попытки объяснить, что банк ничем не рискует – деньги будут выставлены на аккредитив, и воспользоваться ими поставщик сможет только после поставки всех банкоматов, оказались бесполезными. После третьего посещения на него смотрели уже как на врага народа.

– Почему вы не можете составить несколько вариантов договоров, используя стандартные требования и затем лишь вносить корректировки, в каждом конкретном случае? Ведь сейчас вы механически просматриваете произвольно составленные нашими клиентами договора, на «автомате» выискивая несоответствия или недостатки с теми же стандартами. Неужели не хотите облегчить себе труд, потратив пару недель на творческую работу?

– Если вы так много знаете, чего же работаете начальни-

ком отдела, а не директором? – высокомерно поинтересовался однажды начальник под сдавленные смешки своих подчиненных. – Нам хватает работы и без ваших советов.

И все последующие споры стали заканчиваться стандартной фразой: – Подписывать договор будете не вы, так и не берите на себя чужую ответственность. Я завизирую текст только с замечаниями.

При этом все изменения в текст договора приходилось вносить ему самому, юристы выдавали свои замечания и рекомендации, используя стандартный набор фраз, часто даже не имеющих к конкретному договору никакого отношения.

– Ну что ты хочешь от них? – удивлялся его возмущению директор. – Они ведь стараются снять с себя всякую ответственность, даже зная, что с них никто и не спросит. Перестраховщики, на молоко дуют. Или надо говорить: «на воду»?

После всех правок и согласований с поставщиками, на которые Исмаил тратил порой несколько дней, юристы подписывали договора с таким видом, словно делали ему лично, а вместе с ним и всему ДИТ огромное одолжение, чуть ли не царскую милость оказывали. Ему порой казалось, что при этом от него лично ждут коленопреклонения, по крайней мере, если уж о лобзание рук он не сообразил. Поначалу это вызвало у него оторопь, затем – сдерживаемое с большим трудом желание высказать свое мнение о работе юристов ненормативной лексикой.

– И откуда такие умники берутся? – вопрошали вслед за юристами в бухгалтерии, когда он объяснял малограмотной специалистке, как правильно надо заполнять доверенность и не делать по две ошибки в каждом втором слове. Или просил начальника отдела платежей проводить оплату по договорам согласно условиям, без задержек и ошибок в оформлении, приводящих к возврату денег.

Поначалу он пытался отшучиваться, мол, оттуда, откуда и все остальные – с капустной грядки или из узелка, принесенного аистом. Но этим только вызывал неожиданное озлобление, переходящее в неистовство. Работники бухгалтерии закипали почти мгновенно, словно электрические чайники, едва он начинал говорить.

– В банковской системе не отражаются те договора, которые прошли через ДИТ. Неужели трудно занести нужные сведения? Вы целыми днями сидите с бумажными распечатками и перепроверяете, правильно ли сделаны переводы и платежи. Но ведь такая проверка заложена в самой системе, если бы все данные вводились сразу и по всем операциям, надо только выполнять вовремя то, что требуется...

Тут уж вокруг поднимался такой крик, что его буквально выдавливало из бухгалтерии звуковым давлением.

– Эти старые перечницы ещё те сволочи, – ухмыльнувшись, пояснил ему директор, после очередной телефонной жалобы главбуха на наглого сотрудника, осмелившегося учить работников банка с 20-летним стажем работы. –

Я сюда пришел из НИИ, так никто не хотел объяснить, что такое дебет-кредит, чем расчетный счет от корреспондентского отличается. Пришлось до всего самому доходить. Зато теперь, когда в банке работает нормальная система, они со мной спорить боятся. Я ведь не только в бухгалтерском учете разбираться стал, так ещё и программы, которыми они только пользуются, сам заказываю, устанавливаю и поддерживаю в рабочем состоянии. А эти...бухи всегда готовы вставить палку в колесо, даже если это колесо будет просто валяться на земле. Их так приучили, выдрессировали начальники, которые в банк не работают, а за зарплатой приходят. Так что не обращай внимания, действуй с максимальной отдачей.

Исмаила такие слова не утешали и жизнь легче не делали, ведь конфликтовать и с бухами, и с юрами приходилось ему. И всё чаще возникало ощущение, что его, словно прадеда под Москвой в 41-м, послали против танков с одной винтовочкой, да ещё выразили уверенность, что он справится. Прадед-то справился, а вот ему было тяжело. Одно утешало: если и случалась заминка или требовалась поддержка, директор не отнекивался и не уклонялся, лихо срывал трубку телефона и вежливо осведомлялся: в чем проблема и как её можно решить. Или забирал у Исмаила договор и шёл к Председателю правления банка за подписью напрямик. Но такая помощь была явлением редким.

Исмаил научился править договора так, чтобы они не очень сильно раздражали юристов и были приемлемы для

поставщиков. И с бухгалтерией старался как можно реже контактировать, с бумагами отправляя теперь помощницу свою, лично заходил только в случае крайней необходимости. И жизнь потихоньку входила в колею, становилась спокойнее.

Его огорчало, что отношения с коллегами по департаменту оставались достаточно прохладными. Поначалу, когда он только входил в курс дел, директор посоветовал за справками обращаться к тем, кто раньше занимался договорами и документами, даже познакомил с ними. Но Зульфия из отдела консультаций и Сергей из админов почему-то старались избежать его расспросов, ссылаясь на неведение или занятость. Исмаил чувствовал скрытую неприязнь, но о причинах сразу не догадался. Пришлось разбираться с делами самому. Через пару месяцев он смог найти объяснение такого поведения коллег: они привыкли к тому, что прикрываясь поручениями директора отлынивали от своих обязанностей, а поручения директора не спешили исполнять, ссылаясь на занятость непосредственной работой. При этом они целыми днями болтались по банку, собирали все сплетни и слухи, разносили их, словно помойные мухи заразу. Появление нового человека совсем не понимающего важность нештатной функции переносчика социальной заразы, а лишь добросовестно исполняющего порученную работу и вызвало такую неприязнь. Однако, вопреки логике, они продолжали разносить заразу, хотя теперь времени на это у них было гораз-

до меньше. К удивлению Исмаила, директор смотрел на это сквозь пальцы, часто принимая их у себя за закрытыми дверями.

– Эти работники не лучше других, и не хуже, пусть найдут свое место в банке, – посмеиваясь, говорил директор, когда руководители отделов жаловались на свободный стиль работы этих сотрудников, – они вполне могут работать на своих местах, надо только нагрузить их.

Вот только нагрузить своих подчиненных у руководителей не получалось: если давать работу сложную, то не справятся, а контролировать исполнение мелких поручений – свою работу надо бросать. Так и крутилось всё, по наезженной колее.

– А чего ты хочешь? – удивился однажды начальник отдела по обслуживанию банкоматов, которому перевалило за сорок. Ко всем окружающим он относился одинаково равнодушно по причине перегоревшего тщеславия и отмершего карьеризма, как он сам пояснил Исмаилу.

– Систему стукачей никто не отменял и отменять не будет, если не дурак. Хоть при социализме, хоть при коммунизме начальство хочет знать, чем народ живет и не только по рапортам. Чтобы нос по ветру держать и запашки местные различать, чтобы меры вовремя принимать подходящие случаю. А желающих постучать в нашей конторе всегда хватало, тем более теперь, когда за это доплачивают.

– Кто и как доплачивает? – теперь пришла очередь Исмаила удивляться, только банкоматчик над его наивностью по-

смеялся.

– Мне до пенсии ещё два десятка лет барабанить. И лучше делать это на одном месте, а не бегать по городу в поисках работы.

– Почему ты никогда не ходишь на дни рождения и корпоративки? – поинтересовалась мимоходом, преувеличенно небрежно Галина и Исмаил отвернулся к окну, чтобы она не заметила усмешки, скривившей его губы. За окном нескончаемым потоком катились разномастные машины, нетерпеливо переминающиеся пешеходы у светофора морщились от вони выхлопа. Водитель служебки нервно выбивал на руле пальцами ритм, совпадающий с мелодией очередного шлягера несущейся со всех сторон через открытые окна. На сидевшую позади парочку он не обращал внимания, его больше интересовало, как побыстрее проскочить по городским пробкам – рабочий день уже закончился, а они ещё и близко не добрались к банку.

– Пару раз ходил с ребятами в кабак, да только скучно там. Поеть да выпить, а посмотреть не на что, разве не так? – Исмаил с интересом посмотрел на Галину. Вместе они пару раз ездили в таможеню, она помогала оформлять документы. Раньше он как-то не обращал на девушек внимания, всё время уходило на работу.

– Но можно ведь и потанцевать, или ты не умеешь? – Галина хмыкнула, когда он растерянно почесал в затылке.

– Почему не умею? Только музыка там...

– Скучная, да? Ну, это если ты с ребятами ходил в «Теремок» или в «Пещеру», а вот в «Диндоре» совсем не так, там часто поют живую, если умеешь, можно спеть и самому. И площадка у них есть хорошая, с подсветкой снизу и сверху, танцуешь – будто рыбкой в аквариуме плаваешь.

– Не бывал, но можно попробовать.

– Тогда скажи, когда соберешься, ладно? – Галина хихикнула, глядя на него. – А я думала, что ты не согласишься, такой бука всегда – не подступишься.

– Какой-какой? – переспросил Исмаил, вызвав новый приступ смеха. Водитель удивленно смотрел на них в зеркальце.

– Ну, девчонки с ДИТа говорили, что ты после работы сразу домой сваливаешь. Всегда по одному маршруту, утром и вечером без отклонений, словно заводной робот.

– Так они что, за мной следили?

– Да не думай ты, что настолько кого-то интересуешь. Просто одной девчонке с тобой ходить по одним улицам приходится, в соседних домах живёте. Понятно?

Исмаил кивнул и подумал, что вряд ли соберется в ближайшее время потанцевать. Как-то не тянуло его, хотя предложение было заманчивым. Умел он танцевать или нет? Вроде бы умел, но вспомнить, когда последний раз танцевал – не получалось. Эта неспособность четко определить, что он умел или не умел, что помнил или не помнил, в последнее время стала сильно его раздражать. Он стал замечать за собой некоторые странности, на которые раньше не обращал

внимания. Кажется, с такими проблемами или симптомами надо обращаться к психиатрам. Или лучше к психологам? А есть ведь ещё и психотерапевты, психоневрологи и множество других профессий, связанных по названию или смыслу с тем уникальным миром, который принято называть психикой человека. Сначала надо разобраться с собой, решил Исмаил, а уж потом, если окажется, что всё нормально, заводить отношения с другими.

Вытянув из пачки бумаги для принтера десяток листов, он раздвинул жалюзи, которыми соседи по комнате закрывались от солнца. Сейчас раннее утро, никого ещё в департаменте не было, кроме уборщиц. За окном ярко синело небо, в пожелтевших ветвях акации чирикали и копошились птицы, слепящий диск солнца уже завис над снежными вершинами гор, обещая нагреть остывший за ночь город. Захотелось вдруг бросить всё, забыть в одночасье всю эту крысинуую возню, сесть за руль машины и рвануть через заляпанный осенней грязью скучный и серый город туда – к красно-коричнево-черным склонам, укрывшимся белоснежным покрывалом, искрящимся и слепящим глаза. С радостным нетерпением повертеться в кресле, пока механизмы подъемника неумолимо пропускают через себя тросы, намечая трассу. Немного вспотеть, взбираясь по узкой тропинке наверх, таща лыжи на плече. Спустить на глаза зеркальные очки, подпрыгнув, проверить крепления ботинок и, щёлкнув кончиками палок по кончикам лыж – для проверки коорди-

нации и на удачу, радостно гикнуть, прыгая вниз с крохотного пяточка на узком хребте. И затем, балансируя палками и набирая скорость, широкими зигзагами спускаться вниз, взметая на поворотах колючий снежный веер до небес, ощутить себя богом, спускающимся на грешную землю...

Исмаил оторвал взгляд от гипнотизирующей белизны вершин, невесело усмехнулся своим фантазиям – надо же, какая-то машина, лыжи... У него ещё и водительских прав нет, на машину копить года три надо, и на лыжах он никогда не катался, кажется. Несколько секунд он отстраненно разглядывал свою руку, застывшую с карандашом над чистым листом и обдумывал, с чего начать отчет, так неожиданно понадобившийся руководству банка. В банке есть кому заняться таким отчетом: и Департамент маркетинга, занимающийся аналитикой рабочих процессов, и Департамент по работе с персоналом, собирающий все данные на сотрудников, и Департамент по рекламе и связям с общественностью, занятый созданием внутреннего и внешнего имиджа банка, да и Департамент безопасности, занимающийся постоянным мониторингом с помощью видеокамер и внутренним аудитом подразделений, вполне мог справиться с такой работой... Но почему-то доверие было оказано ему, простому начальнику отдела. Возможно, что и другие будут составлять отчеты, только от этого ему не легче. Карандаш коснулся листа и заскользил, словно по линейке выстраивая слова в первую строчку отчета.

– «...К основным доводам «За» можно также отнести такие трудно просчитываемые с экономической точки зрения факторы, как:

1) Повышение уровня обслуживания клиентов – робот не испытывает перепадов настроения, сильно зависящих у человека от его физического состояния, также робот не подвержен эмоциональным колебаниям, влияющих на отношение к клиенту;

2) Повышение уровня лояльности – робот не может обмануть клиента, такие действия не предусмотрены в его программе, а воздействовать на робота извне невозможно, если защита программы будет реализована на физическом уровне;

3) Повышение надежности и безопасности банковской системы – нельзя подкупить или шантажировать автомат, у которого нет семьи или имущества;

4) Повышение производительности труда за счет полного контроля рабочего времени, отсутствия потребностей и надобностей, отнимающих у человека так много времени...».

Это неплохо, звучит, ребята, но больше всего мне понравилось вот такой пассаж: 6) Возможность совмещения роботом нескольких функций типа «3 в 1». Например, совмещение функций банкомата (прием, выдача и размен денег), с обязанностями клерка по оформлению кредитов и переводов и возможностями передвижного рекламного модуля».

Не удержавшись, президент консалтинговой компании «Эксперт» расхохотался, потряс пачкой листков, которые держал перед собой и обвёл присутствующих восторженным взглядом.

Отсмеявшись, продолжил: – Какой замечательный слепок удалось сделать с тебя, Ися. Это же просто супер-аудитор, ребята, надо нам такого в штат включить! Жаль, что пришлось деактивировать парнишку и стереть память, а то можно было выведать у него собственную себестоимость и поторговаться с японцами. Глядишь, и отдали бы работа по сходной цене. Товар «бэ-у», но в деле проверенный, нам бы очень пригодился.

– погоди ты, Миша, не торопись тратить неполученное, – посоветовала президенту главбух Алия и озабоченно нахмурилась. – Надо будет ещё экономическую раскладку сделать, чтобы отчет повнушительнее смотрелся, а то скажут япошки: мы работа дали, он всё и сделал, за что же вам платить? А денежки-то сулили немалые, вдруг на попятный пойдут, когда результаты получат?

– Ну, такого они не скажут, – уверенно заявил Герберт. – Как юрист и совладелец нашей компании, я буквально вылизал текст контракта – никаких причин для отказа от окончательной оплаты не будет. Тем более, чего нам волноваться, если предоплата уже прошла. Обрато японцы не отрабoтают, они хорошо понимают, что это рискованно. А нам остается только радоваться: из работа получился прекрас-

ный червячок, в банк словно в яблочко прогрызся, накопал достаточно. Работа завершена, можно сказать, с полным аншлагом, кто же станет оспаривать такие результаты? Тем более, что мы можем и заяву в суд подать, в случае чего: мол, Исмаил пошел на большой риск, согласившись на копирование. В нашей стране такое не проводилось. Так что повод для процесса всегда найдется.

– Никто и не собирается спорить, Гера, да только надо это дело и с банкирами перетереть. Мы ведь червячка нашего запускали к ним без разрешения, могут обидеться, когда узнают. Японцы могут и проболтаться, когда начнут переговоры. Надо банкиров предупредить, вроде бы по-дружески. Денег немного заработаем, они лишними не бывают, и авторитет свой приподнимем, – Михаил подмигнул хмурому Исмаилу, тот лишь скривил губы в усмешке. – На встречу я их сюда приглашу, ради безопасности не будем светиться в банке. Дело серьезное, для нас это крутой экзамен. Состоится сделка с японцами или нет, не важно, но мы станем вхожи в банковский альянс, а это заказы на миллионы и работа на десяток лет.

– А как же наш договор с японцами? – поинтересовался хмурый Исмаил. – Неужели пойдем на разглашение конфиденца?

– А кто сказал, что мы разглашаем? – сразу отреагировал Герберт. – Как юрист могу сказать, что в договоре нет жесткого ограничения на наши контакты. Тем более, нет запре-

та на контакты с заинтересованным лицом. Никто не сможет доказать, что мы что-то сообщали или передавали кому-либо до того, как действие договора не закончено. А то, что банкиры заимели отчет их же работника, так это никаким договором не запрещалось. Можно считать это внутренним аудитом самого банка, ведь не всю информашку, полученную из памяти робота будем давать, а только заключительную часть отчета. А такой отчет вполне мог быть им самим составлен и передан руководству подразделения, в котором работал наш червячок. Надо только предупредить банкиров, чтобы они как-то официально такое зафиксировали.

– Ага, – оживленно заблестела глазами Алия. – Типа, был такой приказ, чтобы давать ежеквартальный отчет по подразделениям. Вроде бы как аналитическая работа проводилась...

– Не было у них такого приказа, и не станут они ради нас стараться, подделывать документы, – раздраженно хлопнул по подлокотнику кресла Исмаил. Поднялся и прошелся по кабинету, разминая ноги. Остановился у окна, обернулся к напряженно ожидавшим коллегам. – Внимательно надо отчеты читать, а не проскакивать по диагонали. Вот распоряжение по ДИТ о сводном отчете было. Тамошний директор словно в воду смотрел, подгадал к самому окончанию деятельности робота в банке.

– И что там было, в отчете? – от волнения Алия даже за сердце схватилась, а Герберт непроизвольно сжал кулаки.

– Да ничего серьезного. Я так думаю: решил директор какую-то очередную подковёрную комбинацию проверить, вот и потребовал собрать ему сведения по всем неоформленным или незакрытым договорам, по технике и программам. Может, компромат на бухгалтеров собирал...

– Теперь этим отчетом мы прикроемся! – торопливо крикнул Герберт и радостно взвыл, потирая руки. Алия, с шумом выпустив застоявшийся в легких воздух, облегченно откинулась на спинку кресла.

– Да уж, прикрытие нам очень даже не помешает, – скривился Исмаил, но его реплика осталась незамеченной.

– Ладно, партнёры, никто не против того, чтобы начать работать на перспективу? Тогда давайте определим, что из материалов передаём банкирам, и начнем работать, – глянув на часы, бодро принялся командовать Михаил. – Исмаил, как компилятор информации скачанной с робота, редактирует отчёт. Герберт набрасывает проект договора, Алия готовит смету расходов...

«...К недостаткам следует отнести следующие факторы:

1) Протесты уволенных или подлежащих сокращению работников. Профсоюз не имеет реального влияния на руководство, но он может привлечь внимание общественности, используя средства массовой информации;

2) Возможная реакция недоверия со стороны клиентов банка. На них могут оказать влияние и СМИ и сами работни-

ки банка, устраивая акции протеста или саботируя деятельность сотрудников-роботов;

3) Высокая продажная стоимость у производителей. Расходы на закупку одного робота превышают годовое содержание 10-15 работников-людей;

4) Выражение недовольства государственных органов (министерств или правительства), если компания противодействия в СМИ будет подготовлена юристами...».

– Всё это пустые домыслы, никто не посмеет выступить публично против нас. А кто поверит желтой прессе? Все знают, что это происки оппозиционеров, их всерьез никто не воспринимает. Мы не боимся, – Помощник деланно рассмеялся, но присутствующие его не поддержали. Откашлявшись, он пожал плечами, покачал головой, словно выражая сомнение в целесообразности дальнейшего чтения, и посмотрел на Председателя правления банка, с которым они прибыли на переговоры. Тот сидел неподвижно, похожий на статую Будды в костюме-тройке, только сопение портило впечатление.

– Да вы дочитайте до конца! – раздраженно вскочил Исмаил и торопливо, едва не бегом, подошел к окну. Опершись о подоконник, он посмотрел вниз, на шумную улицу.

– Прочитайте, пожалуйста, до конца, – глухо попросил он, не оборачиваясь. – Там всё предусмотрено... Я работаю десять лет, но сомневаюсь, смог бы кто из нас написать такое. Вернее сказать, не столько написать, сколько заметить то,

что послужило основанием для этого отчета. И выводы такие сделать...

– Ну, выводы мы как-нибудь сами сделаем, без подсказок роботов, – снова хохотнул Помощник. – Ничего сложного нет, разберёмся и с этим.

– Вы прочитали всё? – резко обернувшись, спросил Исмаил.

– Ну, в общем-то, да, – замялся сначала Помощник, но его неожиданно перебил оживший Председатель.

– Заключение мы прочитали внимательно.

– Значит, не поняли главного, – снова отвернулся к окну и уперся в него невидящим взглядом Исмаил. – Иначе не пришли бы сюда.

– Па-слушайте, молодой человек! – возмутился Председатель и начал приподниматься, с перекосившимся от напряжения лицом, словно собираясь навалиться на Исмаила и раздавить своим грузным телом. – Я тебя запомнил, ты у меня попляшешь!

Помощник похлопал успокаивающе по пухлой ладони, судорожно сжимающей край стола: – Это не наш работник, ба-стык.

Председатель, шумно пыхтя, опустил на скрипнувшее кресло, на покрасневшем лице его проступила испарина, но он ткнул пальцем в сторону Исмаила.

– Это на него бухгалтерия жаловалась, я же помню...

– Извините, у нашего эксперта нервы немного расшата-

ны, – тут же поднялся с кресла Михаил и встал так, чтобы загородить собой невоспитанного коллегу. – Он много работал над подготовкой отчета и немного устал...

– Это не тот человек, который работал у нас в банке, – не обращая внимания на окружающих, втолковывал Помощник своему Председателю. – Тот был подставным, и выглядел помоложе. А это настоящий эксперт, человек. Он, так сказать, послужил матрицей для работа...

Председатель брезгливо поджал губы и подозрительно покосился на Михаила.

– А где же тот, который в банке был, где робот?

– Его уже отключили, он сейчас, наверное, в упаковочном ящике лежит, – позволил себе вновь пошутить Помощник и, уже без улыбки, обратился к Михаилу: – Мы прибыли сюда не за советом, как вообразил себе ваш сотрудник. Вовсе нет. Правление банка рассмотрело отчёт вашего... эксперта и у членов Правления возникло несколько вопросов, которые мы и хотели бы обсудить с вами, до нашей встречи с японскими представителями.

– Да, конечно, мы с удовольствием ответим на ваши вопросы, – растерянно улыбнулся Михаил. Какой-то подвох он чувствовал в словах Помощника, а тут ещё Ися, непонятно с чего, начал дёргаться. Ведь договаривались, что вести разговор будет он, президент. Остальные должны только отвечать на вопросы гостей, не слишком углубляясь в детали и ни в коем случае не затрагивать тонкостей работы экспертов,

чтобы не поднимать тему «червя» и не раздражать гостей. А Ися повел себя так вызывающе, что теперь оставалось только строить хорошую мину при плохой игре. Эх, как бы не пришлось локти кусать. Слишком мелкой была их компания для банка, входящего в первую тройку финансовых корпораций-монстров, разжиревших на нефти и газе. Нужно было срочно разрядить возникшую напряженность, но в голову ничего не приходило. На помощь растерявшемуся президенту храбро бросилась главбух.

– Мне робот тоже показался слишком самоуверенным, – жеманно произнесла она, и бросила лукавый взгляд на Председателя, проверяя реакцию. Тот слегка приподнял бровь и кивнул, всё еще недовольно сопя. – Ведь эти роботы сами не знают, что творят. Разве можно доверять машине? Это всё равно, что водителю в городе включить круиз-контроль своего автомобиля и забыть о светофорах. Что тогда будет на дорогах, уму непостижимо...

– Да, конечно, Алия, – торопливо перебил её Герберт и бросил неприязненный взгляд на Исмаила, заварившего эту кашу и скромно застывшего у окна. – Вы совершенно правы, но нам сейчас надо прийти к определенному соглашению с уважаемыми гостями.

– О да, – смутилась Алия, вспомнив о цели сегодняшней встрече, – извините.

Бросив взгляд на Михаила, она сложила руки на коленях, словно послушная ученица. А Герберт, решив, что его

президент ещё не собрался, продолжил: – Отчет, конечно, был сделан не роботом, а нашим экспертом. На основании информации, собранной роботом, так будет точнее. Обычно информацию собирают наши сотрудники, люди, так сказать. Но здесь был особый случай, пришлось использовать несколько необычный способ... И обработка информации проводилась нашими специалистами, опытными экспертами. Имеющими международные сертификаты, подтверждающие их высокую квалификацию. И нашей компании хотелось бы и впредь сотрудничать с таким известным финансовым учреждением, как ваш банк.

– О, мы готовы к сотрудничеству, – с вежливой улыбкой подтвердил Помощник и посмотрел на Председателя, лицо которого выражало скуку и терпение, вовсе не безграничное, как это могли подумать некоторые присутствующие. И это, наконец-то, заметил президент. Герберт облегченно вздохнул и вздрогнул, только сейчас почувствовав, как по позвоночнику скатываются капли холодного пота.

– Так давайте перейдем к вашим вопросам, господа, – Михаил взял у помощника Председателя лист с вопросами и вернулся к своему креслу. Усевшись, всмотрелся в текст и зачитал первый вопрос вслух: – Каким образом замена персонала может отразиться в общественном мнении?

Не поднимая взгляда, сразу же ответил, не давая своим сотрудникам возможности сморозить какую-нибудь глупость: – В общем-то, эта тема рассматривалась в отчете. В

частности, упоминались три основные проблемы, могущие возникнуть в случае замены персонала на роботов. Это, во-первых, протесты уволенных сотрудников банка, которые могут обратиться в СМИ или в суд. Во-вторых, недовольство клиентов банка, вызванное теми же СМИ с подачи ваших конкурентов, если они что-то пронюхают. И, в-третьих, возмущение государственных органов или правозащитных организаций, как реакция на те же выпады со стороны оппозиционных СМИ. Можно многое добавить, но это – основные проблемы, от которых и надо плясать.

– Да, мы читали такое, но нам хотелось бы познакомиться с более подробными материалами, послужившими основой для вашего отчета. И особенно в части экономической, если ваш эксперт поможет. Такое ведь возможно, в плане долгосрочного сотрудничества? – поинтересовался Помощник и нахально подмигнул Михаилу.

Тот неуверенно улыбнулся в ответ.

– В принципе, да. Продолжим с вопросами?

– Не стоит, Михаил, о главном мы вроде договорились, – остановил его Председатель, выставив перед собой пухлую ладонь. Помощник согласно кивнул головой, встал и огласил ультиматум. По-другому назвать эти требования у сотрудников «Эксперта» после ухода гостей никак не получалось.

– Нам хотелось бы получить материалы к нашим вопросам в ближайшее время, завтра, если не трудно. И пусть ваш эксперт постарается в части цифр, это важно. Материалы нуж-

но представить в электронном виде. А после переговоров с японскими клиентами можно будет встретиться и обсудить дальнейшее сотрудничество.

– Мне надо посоветоваться, – растерянно оглянувшись на своих сотрудников Михаил.

– О, конечно, конечно, – согласился Помощник, помогая подняться с кресла Председателю. – Время у вас ещё есть.

– Да, он был прав! – отмахнувшись от обвинений в свой адрес, заявил Исмаил. – Это мы трусы, боимся высказать свое мнение. А он не побоялся назвать нас роботами, другого и не заслуживаем.

– Кто назвал? – прижав ладони к вискам, упавшим голосом поинтересовалась Алия, у которой от волнения подскочило давление и началась мигрень.

– Да откуда ты взял, что он нас роботами назвал? – возмутился Михаил, а Герберт только возмущенно хлопнул себя по бедрам, что-то обдумывая.

– Кто-кто, червячок наш, вот кто. Читать надо бумажки, а не просматривать, – расхаживая по комнате, бурчал Исмаил и лихорадочно перебирал пачку листов.

– Вот, послушайте: «Экономические расчеты показывают, что стоимость человекоподобного робота составляет не менее миллиона евро при потоковом производстве. Снижение стоимости на десять-двадцать процентов возможно лишь при массовом производстве в тысячи штук...» Нет, это

не то, это он из Интернета вытащил. Вот здесь, слушайте: «При всех своих достоинствах, роботы в ближайшее десятилетие ещё не смогут составить конкуренцию человеку, на производство которого (выращивание до возраста 21 года) в развитых странах затрачивается в среднем 250 тысяч евро. В нашей республике аналогичные расходы не превышают 30 процентов от указанной суммы за счет низкого уровня социального и медицинского обслуживания. Никто из владельцев банка не согласится на такую неравноценную, с экономической точки зрения, замену...» Вот что хотели узнать банкиры, а мы не показали в отчёте.

– Да ты же сам возражал, когда мы обсуждали окончательный вариант, – возмутился Герберт, но Михаил схватил его за рукав и прижал палец к губам: не мешай, пусть выскажется.

– Да, возражал, потому что поначалу посчитал обидным выслушивать со стороны робота доводы «за» и «против». – Исмаил, ничего не замечая, расхаживал по кабинету, размахивая пачкой листов. – Тоже мне, думал я, нашелся металло-пластиковый червяк, присвоил себе без спроса функции судьи человечества. А когда прочитал да подумал... Так уже не считаю. Он ведь не знал, что он – робот! Он-то считал себя человеком! Даже о чём-то мечтал, что-то придумывал! Он ведь понимал, что вместе с другими и себя оценивает. Его ведь действительно заценили в банке, на квартиру приходили, искали бедного... Девчонки две приходили, приня-

ли меня за него, решили, что он от напряжения в запой свалился и стал выглядеть на десять лет старше, хотели в клинику уложить, на кодирование. И смех и грех, еле отбился – наврал, что я старший брат, младшего за границу вывез, в хорошее место пристроил... А теперь думаю так: если в руководстве банка сидят такие гнусы, тогда пусть вместо них роботы посадят, толку больше будет. Ведь видно же – гнусь болотная, напился кровушки народной, из-за стола встать не может... Давить таких надо, давить!

– Да кто ж тебе даст такое сделать? – хихикнул Герберт, а потом вытаращил глаза и хлопнул себя по коленкам. – Вот оно что! Понятно теперь, почему они захотели с нами встретиться...

– Ты чего придумал? – подалась к нему всем телом Алия, расстроившаяся от слов Исмаила. Ей хотелось, чтобы банкиры их пригрели, обидчивых-то нигде не жалуют. А Исмаил в этом деле был главным экспертом и теперь мог наломать дров со своим характером.

– Они же первыми будут против роботов, едва такое прочитают – сразу поймут: хозяин в первую очередь будет думать о своей выгоде и постарается сменить весь персонал на роботов. А эти ребята, что сегодня у нас были, свои кресла без боя не отдадут. Они же первыми и запустят компромат в СМИ, чтобы на своих местах усидеть.

– Хм, это точно, свое болото они без боя не оставят, – согласился после минутного замешательства Исмаил, почесал

в затылке и ухмыльнулся. – Правильно в докладе отмечено, что многие выгоды от замены трудно подсчитать. Я только сейчас сообразил: имелась в виду не малость выгоды от замены. Тут ведь самые основы общества будут поколеблены, как бы не рухнули наши партийно-клановые пирамида в клоаку, где им, по правде, только и место. Ах, молодец, червячок, такой пласт зацепил...

– Ребята, вы о чем базарите? – ухватив за рукав Герберта, испуганно поинтересовалась Алия. – Если банкиры услышат, нам не заказы сделают, а братскую могилу закажут. Миша, хоть ты их останови. О чем ты думаешь?

Ей ответил, кривя губы в усмешке, Исмаил: – О том, как нас сегодня банкиры по дешевке купили, да Миша? Ты ведь с ними договор не подписывал?

Михаил покрутил головой, потер шею и легко поднялся с кресла. Прошелся, перешагнув через ноги Герберта, и остановился перед сидевшим на подоконнике Исмаилом.

– Конечно, они бы со мной и говорить не стали, сунься я с договором. Но за оплату не переживайте, получим. Для них это не те деньги, за которые они могут побеспокоиться. Вот в перспективе... мы может и пролетели. Получается, что как только мы материалы банкирам передадим, они его тут же в прессу запустят. Чтобы свои кресла сохранить под шумок. И нас легко подставят, если решат что это выгодно. Только они ведь не хозяева, всего лишь управляющие...

– Пустят наши материалы в прессу и японцы сразу пой-

мут, откуда утечка, – подхватил Герберт. – По судам нас затаскают. А если не дадим материалы, тогда нам банкиры кислород перекроют, можно будет контору закрывать. А ты, Ися, тут демагогию развел: «Нравится – не нравится». А нам ведь грозит полный капец, если откажем банкирам...

– Да плевать на них, – отмахнулся Исмаил, но, заметив перекосившиеся лица, пояснил: – Надо так сделать, чтобы всем было хорошо.

– И как же это сделать? – ехидно поинтересовалась Алия и снова схватилась за голову. – Японцам пойдем сдаваться?

– Да, не стесняйся, поделись соображениями, – насмешливо прищурился Герберт. – Вдруг получится что-то приличное.

– Конечно, получится. Надо немного потянуть резинку, отправим полный доклад японцам сегодня же, а банкирам на завтра подготовим перифраз материалов. Чтобы совпадение было только смысловое, ясно? И пусть потом докажут, что это от нас пришло. И передавать материалы надо под расписку о неразглашении, пусть подписывают, если мечтают нас поймать. Так ведь можно подстраховаться?

– Да, придумано круто, – согласился Герберт и, усевшись за свой стол, торопливо открыл ноутбук, – мне нравится такой сценарий. Надо ещё посмотреть, кого можно отправить в банк, чтобы не светиться...

– Да погодите, – с досадой, что его не дослушали, топнул ногой Исмаил. – Чтобы нас гнусы не топтали, словно петух

курицу, надо последнюю часть отчета настоящим хозяевам банка передать.

– Ладно, разберемся, – чтобы не мешал юристу, оттащил Исмаила к дивану Михаил. – Я сам передам, это ты хорошо придумал. А что ты там про молодца-червяка намекал? Я что-то не припоминаю по отчету.

– Так он же к концу своей работы забеспокоился, бедолага. Мол, психика на изломе, пора к врачам. Так и не успел понять, что и не человек он вовсе... И многое из того, что в отчет вошло, он сам написал, как люди перед смертью пишут – без утайки и прикрас, как на духу.

– То есть, высказал твою точку зрения, – уточнил Михаил, но Исмаил это не принял. Лицо его скривилось в гримасе боли.

– Нет, я так сказать не могу. Сразу после копирования он, может, и был моим вторым «Я», это не отрицаю. Но потом мы жили разной жизнью. Он, а не я работал в банке, общался с людьми и даже хорошо работал, судя по реакции этих банковских гнусов. Я ведь наводил справки через разные каналы, для подстраховки, ты же знаешь специфику скрытого аудита, тот же шпионаж. Так вот, он в своем отчете и такое говорил...

Исмаил схватил со стола свою пачку бумаг, лихорадочно порылся, отбросил пачку в сторону, вскочил и, не обращая внимания на изумленные лица коллег, закрыл лицо руками. Из-под ладоней размеренно, словно читая то, что горящи-

ми письменами жгло изнанку век, глухо заговорил, заставляя коллег ежиться от мурашек по спине:

– ...Всё чаще я равнодушно замечаю сходство коллег с бездушными автоматами. Добровольно подчиняясь выдуманному неизвестно кем правилам, послушно встают по утрам, торопливо спешат занять свое место в утренних пробках, отравляя себя уличным угаром, в одно время заполняют коробки офисных зданий, занимают свои места и приступают к исполнению служебных обязанностей, убеждая себя, что это делается во имя других. Миллионами одинаковых движений миллиарды ежедневно повторяют себя, словно в бесконечных отражениях всего лишь двух зеркал. И неважно, как при этом они одеты, и какая погода стоит за окнами кондиционированных комнат. А вечером, словно повинувшись неслышной команде, повторяют в обратной последовательности утреннее действие, словно марионетки. Только вот те, кто мнит себя кукловодами, вряд ли когда-нибудь признаются себе, что так же танцуют под такую же мелодию... Они легко заменяемы и гораздо долговечнее тех компьютеров, что используют в своей работе. Чтобы уравнивать их с машиной достаточно хорошего управления. Есть среди них и те, кто быстрее других это осознал и активно начинает действовать, одних подминая под себя, другим подчиняясь. Так вот и строятся механизмы всевозможных пирамид, вынося на вершину не самого талантливого, но лишь один из необходимых кирпичиков, одну из миллиардов шестеренок. Нужна ли

этому миру замена шестеренок, которые штампуются природой на шестеренки, которые будут штамповаться людьми?..

Как это обычно и бывает, после новогодних праздников в банке поменялось руководство. Три десятка молодых менеджеров высшего и среднего звена взялись за дело засучив рукава и к лету банк стал лидером на рынке финансовых услуг. Энергичные и неутомимые, новые руководители приводили в трепет работников банка, текучесть кадров выросла втрое – зарплата осталась прежней, как и обязанности. Только теперь от сотрудников требовалось буквальное исполнение этих обязанностей. Не каждый продержится восьмичасовой рабочий день, когда требуется не изображать деятельность, в меру своих талантов, а просто работать. Работать размеренно, без надрыва и авралов, выполняя несложную программу по разработанному новыми менеджерами алгоритму и не отвлекаясь на посторонние дела. Молодежь, как это принято, возглавила ряды беглецов. Но руководство банка выразило уверенность, что в ближайшее время ряды сотрудников будут пополнены ответственными и дисциплинированными профессионалами, скорее всего среднего возраста, которые научились ценить время, и знают цену себе...

Январь, 2008